

Дарья Гущина

ОКНО в Полночь

Дарья Гущина Окно в Полночь

Серия «Длинный список 2020 года
Премии «Электронная буква»»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55753546
SelfPub;*

Аннотация

Я никогда не была такой, как все. Соседские дети играли во дворе, а я сочиняла сказки. Я никогда не была обычной. Все строили карьеру и занимались личной жизнью, а я писала книги. Я никогда не была нормальной. У всех есть друзья, а у меня – запойный Муз и черный кот. Все жили в обычных домах, а мне досталась нехорошая квартира. Где шныряли из угла в угол тени, и не мог находиться никто, кроме меня. И с этой-то квартиры все и началось. И – с необычного сна, который стал прологом к новой книге. И – с новой книги, которая писалась сама по себе, стоило часам пробить полночь. И – с мира Полуночи, который вторгся в реальность, превращая мою жизнь в кошмар и открывая новые грани моей странной силы. Или безумия?..

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Полуночица	9
Глава 1	9
Глава 2	31
Глава 3	49
Глава 4	71
Глава 5	88
Глава 6	110
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Дарья Гущина

Окно в полночь

Пробило час ночи; в этот мрачный час фантазия сбрасывает оковы рассудка, и злоеющие возможности приобретают несокрушимость фактов.

Томас Гарди «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей»

Пролог

*Ночь чернеет впереди,
Свет гаси и приходи...*

«Сплин»

...Под моими ногами стелилась пыль подземелий. По мрачным переходам, потерянный в пространстве и времени, я упрямо шёл вперед – наугад, в неизвестность, стиснув зубы, преодолевая усталость. Шёл, решительно отбрасывая ненужные мысли и обрывая робкие вопросы внутреннего голоса, шепчущего: «Куда? Зачем? Кто тебя там ждет и ждет ли?..» Усталость порой добавляла обречённое: «Заблудился...», но – нет. Я не мог заблудиться. И не умею теряться. Я всегда знаю, куда держу путь. И всегда знаю, куда приведёт

выбранная тропа судьбы. Я ни разу не ошибся. Я никогда не ошибаюсь. И знаю, что меня ждут.

Коридор, пыльный и угрюмый, казался бесконечным, как сама Полночь. Прародительница-тьма с каждым новым шагом отрезала дорогу назад, неохотно пропуская вперед. И после каждого поворота я останавливался и писал на пыльных стенах то, что чувствовал. Это мой дар – превращать чувства и эмоции в слова, а слова – в реальность. И они открывали для меня двери в другие миры, становились ступеньками новой лестницы, которую я сейчас строил – чтобы выйти туда, где меня ждали.

Да, наверняка ждали. Эта встреча была обговорена моими предками и предками ожидающей сотни лет назад – на случай, если. Пробыться к ней было невозможно трудно – неинициированный дар отказывался принимать мой зов и слышать меня, но... все же получилось. После многих бесплодных попыток – получилось. Я наконец её *увидел*. И она *услышала*. А вскоре и увидит. И мы встретимся. Очень скоро встретимся, чтобы отдать долги и продлить древний договор.

По тёплому полу прошуршал, поднимая пыль, сквозняк. Я остановился, жадно втянув носом воздух, и закашлялся. Проклятая пыль... Но сквозняк – это надежда: я уже близко. И дверь приоткрыта. Я улыбнулся. Прибавил шаг, сбросив с плеч оковы усталости. Прищурившись, отогнал в сторону тени Полуночи, заставив их вжаться в грубую кладку стен.

И *ты*, моя путеводная нить, здесь, уже совсем рядом, так близко – только руку протяни, только не устань, только не споткнись о нелепую случайность... *Ты* волнуешься, тревожишься и хочешь писать – и я иду.

Вдали забрезжил свет. Я не ошибся. Явственнее потянуло ветром – зимним, свежим, морозно-сырым, разгоняющим затхлость подземелья. И именно туда я и направляюсь – туда, где живет одно из *повторений* меня. В снежный мир, полный неожиданностей, интересный и притягательный. Когда-то *твоя* предшественница помогла мне уцелеть в моем меняющемся мире. А теперь я хочу поведать *тебе* историю. И встретиться с тобой. Чтобы помочь нам обоим. И тем, кто придет после нас.

Завернув за угол, я невольно зажмурился и отвернулся. Слепящий свет больно резанул по глазам. Предсказуемо, но так непривычно... Я не выношу яркого света – мир вечной Полночи балует своих детей только мерцанием звёзд и лун. И лишь единожды робкий рассветный луч на мгновение озарил мой мир, и именно тогда я убедился в правильности выбора. Наша жизнь, наш путь – в наших руках, а выбор есть всегда. Наберись смелости и борись за него. И за себя. Брось вызов судьбе – пусть подавится.

Отступив, я вновь спрятался за угол. Из глаз по щекам текла кровь. Невозможно привыкнуть к тому, о чем знаешь лишь понаслышке... Но придётся. Когда *она* откликнется, когда придет на встречу – когда поймёт и поверит?.. Да,

ждать, терпеть и снова ждать. Верить через силу и снова терпеть. Вот к этому я привык давно. И – писать, рассказывать, объяснять. Это всегда спасало и примиряло с обстоятельствами.

Стерев кровь, я одной рукой оперся о стену, а второй написал на пыльной стене последнее:

*И, летописцем наречён,
В свой омут памяти – до дна...
...И лишь в ладонях вещей сон
Трепещет. И полна луна.*

Не открывая глаз, я вытянул руку и решительно шагнул вперед. Несколько нетвердых шагов – и пальцы скользнули по льду зеркала. И *ты...* здесь. Уже близко. Уже рядом. Я осторожно провел ладонью по скользкой поверхности, смахивая с неё густые хлопья пыли. И зеркало дрогнуло. Дрогнуло, потеплев и став трясинно-вязким. И знакомый образ вспыхнул перед внутренним взором: серебристый круг расплывается и отображает мою искаженную фигуру, закутанную в серый плащ.

Я вздохнул, собираясь с мыслями. Время уходить – время возвращаться... А дорогу осилит идущий. Жидкая пустота зеркала откликнулась эхом зовущего голоса, и где-то вдали часы пробили полночь. Я улыбнулся. Полночь... Полночь стирает грани межмирья, открывает окна и указывает на нужные двери. И старинный ржавый ключ с тихим скри-

пом поворачивается в замочной скважине.

Ключ... За моей спиной шевельнулись чужие крылья, плеч коснулись костлявые лапы. И всё как в прошлый раз. И мне пора.

— До встречи, — тихо сказал я самому себе. — Как встретились, так и разошлись, а как разойдёмся — так и снова свидимся. Только дождись, пока я буду... не совсем собой. Время за нас.

На бледное лицо, отражённое в зеркале, напозла тень, в которой нереально, невозможно ярко вспыхнули жгучей сиренью раскосые глаза. Я сбросил плащ. Зеркало расплылось. Костлявые лапы уперлись в стену, и раздался тихий щелчок отпираемого замка.

За спиной заворочались тени, и прощальным эхом вслед:

*...И лишь в ладонях вещей сон
Трепещет. И полна луна...*

Часть 1. Полуночница

Глава 1

*По минутам осыпается
Ожидание невозможного,
Ранним утром просыпается
От движенья неосторожного...*

«Уматурман»

Запах дешёвого кофе навевал тоску. Зевая, я сонно жмурилась, грела руки о кружку и мечтала о чашке натурально-го, свежего кофе с корицей и мускатным орехом. И от одного лишь воспоминания о заветном стало ещё тоскливее. Потому как кофе ассоциировался с тёплым пледом и домом. Но никак не с работой. Я вздохнула. Понедельник – день тяжёлый... Особенно с недосыпа.

– Вась!

– Вальк, отстань, я над кофе медитирую!

Валик, дизайнер, верстальщик, сисадмин и по совместительству мой давний друг, покосился на меня уныло и уткнулся в свой компьютер. Я же на свой старалась не смотреть. Успею ещё. Целый день впереди, когда он уже нако-

нец кончится... Часы на стене упрямо показывали пол-одиннадцатого утра. Слишком рано, чтобы просыпаться «сове» вроде меня...

Я натянула на плечи шарф и закрыла глаза. И проклятый сон, испортивший мне ночь, встал перед мысленным взором. Снова. Приснится же такое... Я словно наяву увидела бледное лицо незнакомого мужчины, накрываемое тенью. И ядовито-яркие аметистовые глаза, горящие недобрым огнём. Ужас... Увидишь – проснёшься в холодном поту. Собственно, поэтому я и проснулась посреди ночи. Чтобы после проворочаться до утра и зверски не выспаться. Опять. Сколько раз я видела его прежде?... Не знаю. С детства.

– Вась!..

– Отвяжись, симулянт недобитый, – проворчала я.

– Почему недобитый? – Валик с интересом выглянул из-за монитора.

– Потому что бить тебя надо. За то, что притворяешься, будто работы нет, и других от дел отвлекаешь! – отрезала я.

– Да брось, – хмыкнул он, – спать на работе – это не дело. Всё равно ж не дадут.

Я вздохнула. Вот не было бы этого приснившегося мужика, чтоб ему икалось... А всё равно бы не выспалась. Творческому человеку всегда не до сна. Если, пропадая на нетворческой работе, он будет еще и спать, то когда ему писать книги? И придумывать. И обдумывать. И...

– А давай в «Страйк», а?..

– Не отстанешь же? – уточнила я, пододвигаясь к столу.

– Разумеется, – улыбнулся Валик.

Вопьётся клещом – по гроб жизни не отстанет... Знаем, плавали.

Журналисты с утра носились по конференциям и прессу-хам, и в редакции царила непривычная тишина. Впрочем, не пробыёт и двенадцати, как коридоры наводнят смех, споры и дребезжащий голос шефа. Запуская игру, я покосилась на дверь. Мы сидели в проходном кабинете, через который в свои пробирались и журналисты, и редактор. Тот, к слову, пока еще тоже носа не казал, запершись у себя. Видимо, досматривал последние сны.

– Поехали?

– Угу...

Нет ничего лучше утреннего «Страйка», если впереди – бесконечно долгая рабочая неделя. В течение которой хочется либо застрелиться, либо кого-нибудь убить. Кого-нибудь конкретного.

– Вась, снайпер на крыше!..

– Прикрывай, я вперед!

– Зачищаем коридор и налево!

– Эй, внимательнее, чуть меня не пристрелил!

– А-а-а, так это ты? Так вот ты где прячешься... Вась, это, по-твоему, засада? Тебя тут даже слепой заметит. Споткнувшись.

– Работать, бездельники!.. – шеф на наши азартные крики

соизволил высунуться из кабинета.

– Сам туда иди! – заявили мы в один голос, не отрываясь от игры.

– Бездельники... – проворчал редактор, поправляя очки.

Мы проигнорировали его выпад, напряженно следя за ходом игры. Шеф ушёл к себе, громко хлопнув дверью. И пусть себе поворчит, ему полезно. Глядишь, сейчас выпустит утренний пар – потом меньше будет кипятиться.

– Всем привет!

А вот и первая утренняя ласточка. Вернее, сорока, несущая на своём хвосте последние городские сплетни. Анютка влетела в наш кабинет, на ходу снимая шубу. Ощутимо повеяло вьюжным морозным полуднем. Я закуталась в широкий шарф и зябко съежилась. И здесь не согреться...

– И тебе всего хорошего, – отозвался Валик, а я, поддакивая, кивнула.

– У-у-у, а вы чего такие кислые? – Аня сняла шапку, заодно тряхнув короткими тёмными кудрями, и улыбнулась. – Шеф с утра не в себе?

– Да нет, и в себе, и у себя, – буркнула я. – Это просто понедельник...

– Дурные стереотипы, – прокомментировала она и присела на край моего стола, – дело в людях, а не в понедельниках. Кстати, Вась, мне не терпится поделиться с тобой последней сплетней. Помнишь, я в четверг ходила на прессуху в горсовет? Так вот, представляешь, они же так и не приняли по-

правки к закону, а вместо этого...

И понеслось. Анюта трещала без умолку, спеша поделиться последними вестями с полей. На ее звонкий голос из кабинета выглянул шеф. Я внимала новостям без энтузиазма, Валик – рассеянно, а редактор – с любопытством.

– В общем, мне теперь с их дурным законом еще неделю в горсовете дневать и ночевать, – резюмировала она и, спохватившись, встала: – Ой, что это я!.. У меня же еще две статьи не написаны!

– Вот именно! – нудно встрял шеф. – Рекламщики тебя обыскались, срочно требуют статью про мелькомбинат. До вечера заказчикам нужно выслать верстку.

– Меня нет! – и Аня скрылась в своем кабинете, прихватив шубку.

Редактор перевел тяжёлый взгляд на нас:

– Наигрались?

Я же про себя отметила, что его песочного цвета вельветовый костюм очень выгодно сливается с желтыми обоями нашего кабинета. И так просто не замечать, что он здесь...

– Так ты бы хоть работу дал, – вздохнул Валик.

А пиджак кое-как сходится на солидном пивном брюшке...

– В твоей почте давно лежат три макета на верстку. Как сверстаешь – позовешь, прикинем объем и начнем делать пятую полосу.

И лысина забавно блестит, особенно во взъерошенном об-

рамлении рыжеватых вихров...

– Василиса Батьковна!

– А? – я оторвалась от созерцания потолка.

– Десять текстов, из них три рекламных. Уже в папке на вычитку. Живо!

Я послушно придвинулась к столу.

– Добрый день, коллеги! – в кабинет ввалился Игорь, наш фотограф. – Ух, как же там холодно! Вась, я твои фотки обработал, с тебя бутылка! Сейчас посмотришь?

– Нет, потом, – с сожалением отозвалась я. – Текстов накопилась куча...

– А-а-а, ну просвещайся, – и он, повесив в шкаф пуховик, рухнул в свое кресло. То жалобно скрипнуло.

Мы с Валиком переглянулись и выжидательно уставились на Игоря, вернее, на его кресло. Месяц назад мы поспорили, что несчастное кресло однажды-таки не выдержит и развалится. Игорьку, как он сам говорил, не хватало трех сантиметров до двух метров роста и трех килограммов до ста кило веса. И я предположила, что его кресло не доживет до Нового года, а Валик – что оно сломается сразу после каникул. Кресло же пока упорно «жило», а стоявшая на кону бутылка коньяка с каждым днём уплывала от меня всё дальше. Впрочем, до Нового года ещё почти две недели, и чем чёрт не шутит...

Не обратив внимания на наши взгляды, Игорь включил компьютер и принялся разбирать кофр, выгружая на стол ап-

паратуру. Мы с другом снова переглянулись и занялись каждый своим. Впрочем, сосредоточиться на работе не получалось – редакционный народ прорвало. Журналисты приходили один за другим, а из их кабинета доносились то удивленные восклицания, то споры, то хохот. Водитель Санька, прибежав с мороза, юркнул за свой стол и оттуда заговорил с Игорем о жутких холодах и утренней возне с отмерзающей машиной.

Я заткнула уши в тщетных попытках сосредоточиться. Всего нас в кабинете сидело четверо. Мы с Валиком стол к столу в одном углу, Санька – другом, Игорь – в противоположном ему. Фотограф давно мечтал перебраться к журналистам в их «клоаку», чтобы не мозолить глаза шефу, но там не было свободных мест. Что, впрочем, не мешало ему переговариваться с журналистами через кабинет. Как, например, сейчас. Он оживлённо спорил с Анютой, выглядывающей из-за двери, шеф отчитывал Саньку, перекрикивая бас Игорька, Валик что-то бубнил себе под нос... Обстановка накалялась с каждой минутой, пока...

– ТИХО!

Игорь подпрыгнул вместе с креслом, взгляды присутствующих метнулись ко мне, и в кабинете наступила тишина, лишь тихо булькал кулер. Даже из «клоаки» не доносилось ни звука. Я удовлетворённо улыбнулась:

– Так-то лучше. Не работаете сами – не мешайте другим!
И снова сосредоточилась на тексте. Ребята, пошушукав-

шись из вредности, тоже занялись своими делами. И всё – как обычно. Понедельник, первый рабочий день, полный хлопот по подготовке номера, новостей и их обсуждения, вот только... На душе неуютно и беспокойно. Закрывая очередной файл, я поймала себя на странной мысли. Сегодня что-то произойдёт. В полнолуние со мной всегда творилось неладное, а сегодня – как раз оно, последнее полнолуние уходящего года. Плюс зимнее солнцестояние. Словом... Не хочу я этого «чего-то»...

– Вась, пойдём обедать?

– А? – я отвлеклась от текста. – Куда? Нет, не пойду.

– Почему? – Валик уже полез в шкаф за пуховиком. –

Опять худеешь?

– Да вот ещё! – я фыркнула. – Нет, всё проще. На улице минус сорок.

– Не минус сорок, а всего лишь минус тридцать семь, – поправил он бодро. – Подумаешь, мороз! Нормальная сибирская зима.

От одного лишь упоминания температуры за бортом я до носа натянула шарф и молча покачала головой – не пойду, и всё тут.

Валик пожал плечами:

– Хорошо, один схожу. Чего тебе купить?

– Без разницы, – я посмотрела на него с обожанием. – Я уже говорила, какое ты чудо?

– Говорила, – добродушно улыбнулся он. – В пятницу.

Ладно, не скучай.

Я проводила его влюбленным взглядом. Мы с ним из одной песочницы. И в детсад – в одну группу, в школу – за одну парту, в университет – на соседние факультеты. И на работу – друг напротив друга. Он меня в эту редакцию и притащил. Когда прежний корректор уволился, я находилась в творческом поиске, и Валик воспользовался моментом и похлопотал перед шефом. И результат устроил всех. Шефа – потому что я, в отличие от прежних корректоров, смогла с ним справиться, Валика – потому что находилась под его бдительным присмотром, и меня. Работы немного, коллектив – отличный и нескучный, да и платили нормально. И от офиса до дома – полчаса пешком.

Открыв последний файл, я покосилась на часы. Пять страниц жуткой рекламной ерунды читать не хотелось, и я решила, что у меня обед. В смысле, час отдыха. И, свернув текст, откинулась в кресле, закрыв глаза. Спать хотелось немилосердно... А в мыслях по-прежнему мельтешил образ закрытого тенью лица. Может, сон в руку?.. Он ведь так давно мне снится...

– Вась, я тебе ещё один текст сбросил, но читать его пока не надо. Пусть сначала Лера придет из музея и допишет комментарий.

– Угу, – лениво отозвалась я, не открывая глаз.

– Опять не выпалась? – не то сочувственно, не то ехидно спросил шеф. – Помирилась со своим программистом,

значит?

Я досадливо поморщилась:

– Да причем тут программист, Гриш... Бессонница, нервы, зима, авитаминоз... Два года без отпуска, опять же.

Дабы быть ближе к народу, редактор предпочитал обращение на «ты» и по имени. Не забывая, правда, при случае материть нас как непосредственных подчиненных.

– Так помирись – забудешь о бессоннице, – посоветовал он, проигнорировав намек. – Кстати, что там с молочным заводом?

– А что с ним? – фальшиво удивилась я. – Стоит, работает и деньги нам за рекламу исправно платит.

– И еще бы кое-кто её прочитать соизволил...

– Я отдыхаю! У меня обед!

– Значит, новую книгу обдумываешь? – редактору всегда хотелось казаться умным, проницательным и всезнающим. – Опять писать собираешься?

Я невольно выпрямилась в кресле. Историю?.. Об этом бледном товарище с непонятными глазами? Действительно, наверно, пора, не то так и будет мешать спать... Вытащить его из головы – пусть живет своей жизнью где-нибудь... Где-нибудь. В другом мире. Подальше от меня.

– А что, это идея...

– Я пошутил! – крикнул уже из своего кабинета шеф, но...

Поздно. Мысль захватила мгновенно. И воздух завибрировал от чужого присутствия. О, нет!.. Как не вовремя! Мне

некогда заниматься писаниной!.. Некогда, слышишь?! Правого плеча коснулось знакомое дыхание. И вообще, я только месяц как книгу закончила, даже отоспаться не успела, даже черновик не отредактировала!.. Я невольно скосила глаза и сдержанно застонала. Благо в кабинете нет никого кроме меня. И – Муза, который, свесив тощие ножки и сложив на пузе ручки, восседал на моем плече, точно король на троне.

Я прищурилась, выдергивая из-под него косу. Муз стойко выдержал мой злобный взгляд. Отвали, а? Не хочу опять в астрал! А ну, исчез!.. Муз подло ухмыльнулся. Вот же... несчастье мое запойное, а... Нашел время – когда у меня дел по горло... С-с-скотина. Муз, насвистывая, повёл крыльшками, и я невольно зажмурилась. Все, прощай спокойная жизнь... Плотину прорвало. Мысли затопили картины и обрывки ощущений. Одно лишь незнакомое лицо – и появились, натягиваясь, незримые нити вопросов.

Рекламный текст забылся, время замедлило бег, исчез пронзительный холод кабинета. *Незнакомый парень в сером плаще стоял посреди тёмного коридора и что-то быстро писал на пыльной стене.* Откуда он, что с ним случилось, как он попал в этот коридор?.. Кто он такой?.. Моя рука, живо нащупав ручку и использованную полосу формата А3, торопливо записывала обрывки фраз. Что ты пишешь?.. О чём хочешь рассказать?..

– Держи пирожки, голодающее Поволжье. Эй, не такое уж и голодающее, а? Вдохновение накатило? Чаю налить?

Рассеянно кивая, я жевала пирожок, не чувствуя его вкуса. И чёрт с ними, с идеей и сюжетом. Быстро, пока Муз не смылся, записать затравочные фразы, а потом соберу из них хотя бы пролог с первой главой. И сюжетных зарисовок набросаю. Кто его знает, прохвоста этого крылатого, сейчас здесь, а завтра исчезнет года на три... И история так и останется сидеть занозой внутри, беспокоя и лишая сна. А у меня уже столько идей-«заноз» накопилось... Хоть эту сразу выдернуть.

– Вась?

Так, значит, будет блондином с голубыми глазами и светлой кожей – словом, вроде меня. Во сне я четко ассоциировала с ним свое «я», значит, так тому и быть. Я набросала черты лица и, поразмыслив, добавила к образу косу. Косить под себя – так во всем. Единственное, что волосы «подрезала» до лопаток. Нос прямой, глаза раскосые с пронизательным прищуром, брови вразлёт...

– Вась!

– Чего? – я подписывала подведенные к наброску стрелочки и раздумывала, откуда пустить тень – сбоку, снизу или сверху.

– Обед закончился, – намекнул Валик.

– Отстань, я занята, – отмахнулась я.

– Скажи это Грише.

– И скажу, – вооружившись карандашом, я аккуратно заштриховала правую сторону нарисованного лица.

– Слушаю, – шеф тут как тут.

– Я по понедельникам не способна адекватно воспринимать объективную реальность в силу собственной некомпетентности в том, что касается нанопорошков, нанотехнологий, наноцентров и нанотехнопарков с их инновациями, – заявила я. – Тем более в жутких аномальных погодных условиях, из-за которых в Сибири уже второй месяц бушуют арктические антициклоны, и людей мучают мигрени. И вместо объективной рабочей реальности я выпадаю в субъективную, пребывая в астрале, и не надо меня там беспокоить, это опасно для жизни!

Редактор растерянно моргнул и посмотрел на Валика:

– Ты что-нибудь понял?

– Да голова у неё болит, – друг пожал плечами.

Шеф снова моргнул:

– Так может... по пятьдесят? Коньяк – лучшее средство от головы!

– На правах рекламы? – я усмехнулась, дорисовывая складки плаща. – Нет, спасибо, обойдусь кофе. Ещё полчаса, ладно?

– Лечись, – пожелал редактор.

Я закончила набросок и с минуту пристально его рассматривала. Вроде, все. С детства страдая скудностью образного мышления, я привыкла рисовать все, что представляла. И неважно, что художества получались корявыми. Главное, я *видела* придуманное, а с видением приходили и вера в исто-

рию, и её понимание. Жаль, имя пока не пришло... Обычно оно следовало за портретом по пятам, но... Всему своё время.

Отложив рисунок в сторону, я со вздохом переключилась на работу. Попыталась шикнуть на Муза, но тот упрямо не желал покидать моё плечо. Вот зараза... С ним работать – труды псу под хвост. От наноцентров с нанопружинами рябило в глазах, а вместо слов упрямо виделись древняя башня и полная луна, восходящая над пустошью. А до окончания рабочего дня – ещё три часа...

– Вась, глянь срочный текст!

Блин...

– Вась, на принтере лежит распечатанная полоса и ждёт, когда ты её прочитаешь!

Да чтоб вас всех...

– Вась, заказчики правку прислали. И не надо на меня так жалобно смотреть! Отправь Валика покурить и внеси её в вёрстку. Да, сама! Ты же знаешь, что он правку вносит левой пяткой через пень колоду... Вот, держи распечатки. И – внимательно, вёрстка уже подписана!

Когда же вечер?..

– Вась, ещё три срочных текста на вычитку!

Когда ж я сдохну?..

Вечер подкрался неожиданно. Закрывая очередной файл, я мельком глянула на часы и воспрянула духом. Без пятнадцати семь! Я выжила! Мы с Валиком переглянулись и, вы-

ключив компьютеры, переобулись, схватили верхнюю одежду и шустро смылись из офиса. Шеф имел дурную привычку: за две-три минуты до окончания рабочего дня он скидывал мне «очень срочный» текст на читку, а Валику – на вёрстку. И мы застревали за работой. К счастью, редактор имел и полезную привычку: за пятнадцать минут до выхода он звонил супруге и предупреждал, что-де стоит на выходе, грей, милая, суп. И мы, услышав вожделенное: «Дорогая? Я тебя не отвлекаю?», удирали из кабинета.

Улица встретила сорокоградусным морозом. Закутавшись в шубу и натянув на нос шарф, я попрощалась с Валиком и засемила домой. Транспорт на холоде ждать – приятного мало. Быстрее дворами добежать. А с наступлением зимы я сделала приятное открытие: оказывается, от работы до моего дома не полчаса хода, а всего минут пятнадцать. А то и десять. В зависимости от силы ветра и количества градусов со знаком минус.

Погода была безветренной, но сырой мороз пробирал до костей, сковывая движения и затрудняя дыхание. Аномальные холода в городе стояли второй месяц, и второй же месяц улицы тонули в душном смоге. Съёжившись, я торопливо шагала по тротуару вдоль заснеженных домов, с завистью поглядывая на освещенные окна. С темных небес за мной наблюдала полная луна, и под ее взором становилось не по себе. Так, если опять за каждым углом замерещится гадость – здравствуй, вдохновение, и пока, крыша...

Я невольно покосилась на правое плечо, где сидело моё крылатое чудо. Как же ты не вовремя... Муз лениво наморщил нос, и у меня от желания писать зазудели руки. А я так надеялась, что он хоть на полгода в запой уйдёт и оставит меня в покое... Я ускорила, свернув в парк, и побежала по узкой заснеженной тропинке. Там, за парком – мой дом с теплом, ужином, постелью и голодным котом... Я поправила шапку и вновь покосилась на Муза. Эх...

Мы познакомились, когда мне исполнилось пять лет. Пыхтя и сопя, я сочиняла стихотворение – ко дню рождения мамы. Сестра, решив отличиться, нарисовала открытку, и мне стало обидно. А повторяться не хотелось. И я решила сочинить стих. Промучилась весь день, а под вечер, подойдя к окну, увидела в отражении сидящее на моём плече существо. Тогда я не поняла, что он такое, и перепугалась знатно. Особенно его из-за внешности, ибо выглядел Муз жутко: на синем личике мерцали желтоватые глаза без зрачков, но с воспалённо-красной сетью вен, крючком выпирал нос, бескровные губы – сухо поджаты. Кстати, он вообще ни разу мне не улыбнулся.

Помимо жуткой физиономии, Муз обладал пухлым тельцем, закутанным в серую тряпку, спутанной гривой густых черных волос, короткими ручками и ножками и большими нетопыриными крыльями. И от него постоянно несло то водкой, то коньяком, то вином, то пивом. Алкоголь он, не стесняясь, с удовольствием потреблял в процессе моей работы,

и наверняка из-за постоянных запоев имел ярко-синий цвет кожи.

Тогда же, при «знакомстве», он в первый и последний раз со мной заговорил. Внимательно изучив мою испуганную персону, Муз скривился и пожаловался на судьбу: мол, не везёт ему последние пятьдесят лет с творцами. Прежде, видите ли, приходилось работать с классиками, а тут – убожество без намёка на талант. И с тех пор не сказал мне ни слова.

Стих я после написала быстро, чем до слез растрогала маму. И заболела творчеством всерьёз и надолго, а Муз теперь вечно крутился неподалеку. И только лет в пятнадцать закралось подозрение, что у меня не всё в порядке с головой, а Муз – это плод воспаленного воображения. И, наверно, от подобных мыслей я бы точно спятила, если бы не сестра. Алька умудрилась однажды его увидеть. Как? Может, потому что мы близнецы. Но – она его увидела и описала внешний вид, чем меня и успокоила. Не сумасшедшая. По крайней мере, в изоляции и срочном лечении не нуждаюсь.

За воспоминаниями и размышлениями я не заметила, как добралась до дома. Открыла подъезд, взбежала на пятый этаж и завозила с ключами, открывая замки. Из-за двери донеслось тихое урчание. Я улыбнулась. Баюн. До него любое зверьё или быстро удирало из моей квартиры, или забибалось под шкаф, шипело, рычало и отказывалось от еды. А он, приبلудившись с улицы, прижился. Я подобрала его котёнком, жалким, дрожащим и замерзающим, три года назад,

у подъезда. Баюн вырос крупным, пушистым, желтоглазым, абсолютно чёрным и с аномалией: он никогда не мяукал – либо урчал, либо шипел.

Вот и сейчас. Замерев у двери, он тихо урчал и смотрел на меня голодными глазами. Я быстро разулась, разделась, влезла в тапочки и поспешила на кухню. Впрочем, отдельной комнаты под кухню в моей хате нет. Есть лишь прихожая, откуда можно попасть в кладовку, ванную и комнату психологической разгрузки. И шестьдесят «квадратов», на которых я с помощью стеллажей соорудила себе и кухню, и спальню, и кабинет, и гостиную. Ровно по четырем углам, благо окон тоже четыре. Дом старый, потолки – за три метра, и площадь – соответствующая.

О квартире стоит сказать отдельно. Она досталась мне в наследство от бабушки. Последнюю я не знала – бабушка умерла вскоре после моего рождения, но квартира честно ждала именно меня. И сколько я ни расспрашивала о ней родственников, слышала разное: бабушка много писала, публиковалась в журналах и потому была не то особенной, не то эксцентричной, не то просто странной, не то сумасшедшей. А истина – где-то между. Впрочем, я на этом внимание не заостряла. И, отучившись в вузе шесть лет, удрала из-под родительского крылышка. Тем более Алька по окончании одного сразу же вышла замуж.

Но – вернемся к завещанию, которое, кажется, отразило странности бабушкиной натуры: она выдвинула условия. Я

не имела права: а) ничего из ее вещей выбрасывать или продавать; б) делать перестановку.

Я, разумеется, условия приняла. Оставила на переднем плане слева кухню и справа – гостиную, а на дальнем – слева кабинет и справа – спальню. При этом, надо сказать, хату она захлामीла отменно. Квартира была битком набита какими-то мешочками, папками, газетами, бумажными рулонами и прочими излишками нехорошими. Однако к жилплощади прилагался большой подвал, куда я хлам и унесла, ибо юристы бабки свято блюли все пункты завещания. А отнести в подвал и выкинуть – две разные вещи.

Очистив хату, я отгородила стеллажами «комнаты» и заменила плиту, оставив на прежних местах старинную мебель. Впрочем, последняя мне нравилась: резные стулья, столы и шкафы ручной работы наполняли квартиру атмосферой старины и таинственности. Хотя таинственности квартире хватало и без мебели. Лично мне она напоминала бермудский треугольник: всё, что здесь забывали, исчезало бесследно, а всё, что я уносила в подвал, появлялось само по себе. Причем всегда с определённой целью.

Сегодняшний вечер исключением не стал. Зайдя на кухню, я сразу увидела стоявший на столе полуметровый канделябр. Почерневшая серебряная лоза обвивала дерево, на «ветвях» которого держалось восемь чаш с огарками свечей. Раритетная вещь, коллекционеры – с руками оторвут... Эх. Кабы не завещание – продавала бы наследство и не работа-

ла...

Я вытащила из холодильника кастрюлю с остатками супа и поставила её на плиту. Включила чайник и насыпала Баюну корм. Быстро сбегала в спальню, переоделась в домашний костюм и вернулась на кухню. Задумчиво посмотрела на канделябр, прикидывая, не убрать ли его на балкон, уж больно много места занимает, когда... Мигнув, погас свет. Выключился чайник. Потух индикатор на плите. Вот и пожалуиста. Вот зачем появился подсвечник.

Привыкая к темноте, я прислушалась к доносящимся из подъезда звукам. Наверняка, дело в не пробках, а причудах энергетиков... На площадке загремела дверь – сосед вышел на проверку. Воспользовавшись моментом, я прихватила свечу и тоже выглянула в подъезд. У меня же дома нет ни спичек, ни зажигалок, а сосед – человек курящий.

– Добрый вечер, дядь Борь!

Соседу было давно за пятьдесят.

– Добрый, Василиса, – прогудел он, копошась в счетчике. – Иди-ка посвети!

Да, пробки оказались в порядке, а вот дом зачем-то обессточили. Запалив от соседовой зажигалки свечу, я закрыла дверь и вернулась на кухню. Муз по-прежнему сидел на плече и тихо зудел. Пожалуй, напишу немного... В мерцании свечей в хате стало мрачно и жутко. По стенам расползлись тени, и остро померещился чей-то взгляд, словно за мной кто-то наблюдал... причем из пламени свеч. Брр-р...

Я передёрнула плечами, стряхивая неприятное ощущение. Впрочем, как всегда. Пять лет в бабушкиной квартире живу, и ни разу она не показалась мне нормальной. То чудились снующие тени, то чужие взгляды буравили затылок, то ощущалось чье-то незримое присутствие. А мои немногочисленные гости быстро разбегались. Родственники жаловались на головные боли и несварение желудка, а Валик даже на чай ни разу не зашёл. Заглянул, оценил, скривился и решил, что ноги его больше тут не будет. А Алька, рискнув переночевать, рассказывала о жутких кошмарах. Словом, здесь тоже прижилась только я.

Притащив на кухню ноутбук, я налила в тарелку суп, села за стол и включила компьютер. Аккумулятора хватит часа на три, а мне больше и не надо. Белый лист файла приветливо замигал. Муз что-то забормотал себе под нос. Я покосилась на него, доела суп и нахмурилась. Название не приходило. Начало выстроилось, но без названия текст туговато пойдёт. Обычно я сначала придумывала название, имя герою и, как ни странно, эпилог. А дальше всё получалось само собой, но...

Но. Почему сегодня должно быть как всегда? Отступление от правил – это непредсказуемость, интерес и «живость» истории. И с каждой книгой – словно в новое путешествие по неизведанному, в отпуск в необычный мир, в загадочное и манящее странствие... Ага, и с каждой книгой – новые симпатичные кошмары. Этот парень с косичкой – так, только

начало, цветочки. А вот ягодки... Ягодки всегда или с придуры, или с отравой.

Мои пальцы быстро забегали по кнопкам клавиатуры. Ладно, часов до одиннадцати попишу, и в постель, а то завтра вставать рано... Итак, *однажды в далекой-далекой галактике*... Я тихо фыркнула. Нет, «Звездные войны» я, конечно, не потяну. Но вот историю параллельного мира, вероятно, даже существующего (а кто докажет, что нет?) – вполне. И быстро набросала прологом вчерашний сон, а началом первой главы – коротенькое описание древней полуразрушенной башни. А больше ничего не придумалось, да.

Я перечитала, подправила опечатки, посмотрела на системное предупреждение о двенадцати процентах зарядки, сохранила файл, закрыла ноут, потушила свечи и отправилась на боковую.

Ибо иногда высыпаться перед работой полезно.

Глава 2

*...закинуть надо контрабандой пару
контейнеров тепла
Сердец, пятьдесят грамм нежности на сдачу,
К моей улыбке вам в придачу
И ярких красок расписать такую серую и нудную
Зиму...*

«Мумий Троль»

Дикий визг не давал покоя. Я сонно пошарила рукой по постели и смахнула разбудившую вещь на пол. Та замолчала. Я расслабленно вздохнула и забралась с головой под одеяло. Вещь, помедлив, разразилась очередной возмущённой трелью. Я спрятала голову под подушку. Подсознание услужливо заметило, что первый пропущенный визг – это будильник, и его игнорировать можно, а вот второй – звонок друга, который пропускать нельзя. И я по инерции сползла за телефоном на пол.

– Да? – сонно, недоуменно.

– Вась, привет! – улыбочивая бодрость Валика сразу начала раздражать. – Ты где есть?

– Дома, – я зевнула. – На полу сижу. А что?

– В полдевятого утра? В наш дежурный вторник?

Ой.

– Я встала!..

– А должна уже бежать!

Вскочить на ноги, умыться, одеться, заплести «дракончиком» косу, покормить Баюна и, схватив сумку, пульей вылететь из квартиры – дело десяти минут. Привычный утренний мороз, пощипывая то за щеки, то за нос, бодрил лучше контрастного душа.

Совсем забыла, что сегодня наша с Валиком очередь нести утреннюю вахту... Дурацкий порядок, заведенный шефом. Обычно я приходила на работу то в десять, то в одиннадцать утра, но один день в неделю в добровольно-принудительном порядке являлась в девять. Для того чтобы остальные члены редколлегии могли прийти кто в десять, кто – в одиннадцать. Дежурство шеф оправдывал важными звонками в редакцию – от клиентов, бабушек-дедушек, которым поутру не спится из-за протекающей крыши, и ты ды.

Я спешила на работу, поскользываясь на обледенелом тротуаре. Из всех встреченных прохожих – только ненормальный парень в цветных кедах и с рыжей псиной. А остальные – или по домам, или, несчастные, на работе. Так, сколько до каникул-то осталось или хотя бы до пятницы?.. Да, понедельник, как известно, день тяжёлый: разум отказывается принимать окончание выходных и требует отдыха. Вторник – ещё тяжелее: разум уже принимает окончание выходных, но отдыха все равно требует. В среду немного легче: сдается в печать номер, и работы столько, что до капризов разума

нет никакого дела. А четверг и пятница проходят тяжелее всего: разум, воспитанный средой, готов к труду и обороне, но выпуск сдан, и работы никакой нет. Но – скорее бы уже пятница...

Валик поджидал меня на крыльце бизнес-центра.

– Вчера Игорь ключи на пульт сдавал, – сообщил он, докуривая. – Наверняка нас ждёт сюрприз.

Я проснулась окончательно:

– Думаешь, опять начудит? – и, быстро взобравшись по скользким ступенькам, юркнула в тепло подъезда.

– Уверен, – друг закрыл дверь и ухмыльнулся, вызывая лифт.

Фотограф был натурой творческой, незаурядной и эксцентричной. И чрезвычайно любившей розыгрыши. После прошлого его дежурства мы, придя с утра на работу, обнаружили, что он перепутал нам компьютеры. У меня стоял компьютер шефа, у шефа – Валика, а у верстальщика – директорский.

– Если он опять намудрит с техникой, у Гриши лопнет терпение, – заметила я, заходя в кабину лифта.

– Думаю, у Игорька хватит мозгов и новую хохму придумать, и выкрутиться, – возразил Валик.

– Например, подставив нас с тобой, – двери лифта открылись, и я вышла в коридор, включив свет.

И недоуменно уставилась на стену, где висел огромный баннер: на траурно-черном фоне пламенело витиеватое

«Оставь надежду, всяк сюда входящий!» Валик смешливо фыркнул и толкнул меня локтем. К столу вахтера известный шутник пришил следующий баннер: внушительные челюсти, снабженные надписью «Осторожно! Злая собака!» Дядя Коля – добрейшей души человек, кстати...

Мысли о работе улетучились в известном направлении. Мы, не сговариваясь, ринулись в обход. Коридор нашей конторы изгибался буквой «п»: в одном крыле работали мы с журналистами, во втором – пиарщики, рекламщики и иже с ними плюс бухгалтерия, а в центральном коридоре располагались кабинеты директора, замдиректора и секретаря плюс конференц-зал. Естественно, мы начали с конца – с рекламного крыла.

Рекламщиков в редакции, мягко говоря, не любили, а у Игорька к ним были старые счёты. И красноречивой надписи на их кабинете не удивились. «А-а-а! Демоны!» – гласил яркий плакат на первом кабинете, а на втором следующий дополнял: «Сгинь, пропади, нечистая сила!». Пиарщиков фотограф тоже не уважал. На кабинете специалистов по связям с общественностью висела чудная надпись – «За связь без брака!».

– Однако он их любит, – хмыкнул Валик.

– Да не больше, чем всех остальных!

На кабинете бухгалтера красовалось «Здесь царь Кощей над золотом чахнет...» и под надписью – почему-то утиная мордочка злющего дядюшки Скруджа Макдака. Мы весело

переглянулись. Бухгалтерша – та ещё скряга. Всей редакции, даже Валику, полагались бесплатные карточки для пополнения баланса сотовых, кроме почему-то меня. Я жаловалась и Грише, и директору, но осталась непонятой. Софья Николаевна наотрез отказывала мне в халяве. И так ей и надо.

На вахте зазвонил телефон, но мы не обратили на него внимания. И, пока он заливался недовольной трелью, мы хихикали у дверей директорского кабинета. Собственно, там было три кабинета в одном – проходной секретарский («А где бабуля? Я за неё!»), слева – замдиректорский («Я – Ужас, летящий на крыльях ночи!»), а справа – директорский («Царь, очень приятно, царь!»).

– Теперь его точно уволят, – напроорочил Валик.

– Или нас, если не снимем, – поддакнула я.

– Не, на нас и не подумают, – отмахнулся он. – Это Игорек известный массовик-затейник, а мы так... мимо проходили.

– А ведь он и над нами постебался... – сообразила я запоздало.

– Да ладно, это же шутка.

Правда, своё мнение Валик изменил быстро – как только мы зашли в родной кабинет и заметили плакат, прищипленный к дизайнерскому компьютеру: «Мы великие таланты, но понятны и просты, короли и музыканты, акробаты и шуты!». Друга аж перекосило.

– Да ладно, это же шутка, – передразнила я. – А он в точку попал, заметь. Ты ж у нас – человек-оркестр, пять профессий

в одном флаконе и на одну зарплату.

Валик глянул исподлюбья и первым подоспел к моему столу, загородив спиной обзор. И весело хмыкнул.

– Дай посмотреть! – я встала на цыпочки, заглядывая через плечо. – Мой же диагноз!

А он из вредности ссутулился над монитором, зараза такая. Я фыркнула и сняла шубу. Однако жарко... На монитор своего компа Игорек прилепил плакат с собственной же довольной физиономией и надписью «Доброе утро, страна!»

– Смотри, Вальк, а себя-то он не обидел!

– Где? – друг обернулся, отодвинулся, и я наконец рассмотрела своё рабочее место.

Теперь перекосило уже меня:

– Ах, гаденыш!..

– Говорят, мы бяки-буки, как выносит нас земля... – пропел Валик, копируя голос разбойницы из «Бременских музыкантов». – А что, ты вылитая атаманша, Вась. Тебе бы ещё в черный перекраситься и... Ой!.. – и потёр затылок. – За что?

– Все ему рассказал за перекурами, да? – прищурилась я.

У каждого есть своё неприятное детское воспоминание, и мое было связано со школьной постановкой «Бременских музыкантов», где я играла атаманшу. Вернее, я попыталась её сыграть, но не вовремя испугалась. И, жалобно проблевав первую строчку вышеупомянутой песни, с позором сбежала за кулисы, едва не сорвав постановку. С тех пор – со времен

пятого класса – много воды утекло, но и на эту песню, и на мультик я по-прежнему реагировала неадекватно. И Валик об этом знал – в той постановке он играл Трубадура.

– Ну... да. Случайно... – друг опустил шкодливые очи долу.

– Случайно? Но я запомню!.. – пригрозила хмуро и пошла в коридор, где по-прежнему надрывно верещал телефон.

– Вась!.. Ты ж не злая!

– Но память у меня хорошая, фантазия – богатая, а голова – больная!.. Алё?

– Здравствуйте! – пробасил в трубку жизнерадостный мужской голос. – Мне вчера звонили с этого номера!

– А я чем могу помочь? – буркнула я.

– Так вы же звонили!

Я устало вздохнула:

– Это редакция газеты. У нас стоит мини-АТС, и с какого именно номера и кто именно вам звонил, я понятия не имею. Но я точно вам не звонила. Всего хорошего! – и положила трубку.

– Вась!

– Чего?

– Ну, прости, а?

– Может, и прощу, – я не умела долго злиться. И вообще, и на него. Слишком давно мы знакомы и слишком хорошо друг друга знаем.

Телефон снова заверещал.

– Я это тоже запомню, – он улыбнулся и взял трубку: – Доброе утро, вы попали в редакцию. Чем могу помочь? Да-а-а, а вы действительно попали...

Да, я не злая. Но я – бяка-бука. Насвистывая песенку атаманши, я вернулась в кабинет и, пользуясь отсутствием Валика, достала из ящика его стола отвёртку. И быстро открутила у Игорёва кресла болты. Вернее, не открутила, а заметно ослабила. Если получится – убью двух зайцев сразу...

Я вернулась к своему столу и встретила подозрительный взгляд Валика:

– А зачем тебе отвёртка?

– А я тебя сколько раз просила подтянуть болты? – я демонстративно отодвинула кресло и подёргала разболтавшиеся запчасти. – Смотри, спинка вот-вот отвалится. И ручки – тоже.

– Давай сделаю, – вздохнул он. – Сходи пока в «клоаку», что ли. Интересно же, что Игорек про них придумал.

Послonyaвшись полчаса по офису и оценив творчество фотографа, мы сообща прилепили на монитор его компа надпись «Гитлер капут!» и занялись привычным делом. «Страйком», то есть. Чем заслужили крайне недовольный взгляд редактора, когда он соизволил явиться на работу. Привычно ворча и протирая запотевшие очки, Гриша проковылял к своему кабинету и надолго замер возле двери. Мы бросили играть и вытянули шеи. Шеф долго моргал на надпись «Кто ж его посадит, он же памятник!»

– Понравилось, – ехидным шепотом прокомментировал Валик. – По спине видно...

– Это что такое? – редактор, ссутулившись, повернулся к нам. – Откуда? Чья блажь?

– Того, кто последним уходил, – хором «сдали» мы зачинщика.

– Премии лишу, – Гриша оторвал баннер и исчез в кабинете, хлопнув дверью.

Мы дружно захихикали. В кабинете шефа громко и злобно уронили кресло. Мы весело переглянулись и снова вернулись к игре. А редакционный народ тем временем прибывал, и наблюдать за реакцией коллег было крайне занимательно. Кто-то ругался, кто-то смеялся, кто-то возмущался и почему-то требовал показать наши с Валиком плакаты. Мы же, разумеется, давно и далеко их спрятали и только отшучивались в ответ.

– Всем доброго дня! – последним в кабинет заглянул зачинщик утреннего безобразия – собственной внушительной персоной. – Как приятно видеть ваши светлые, проснувшиеся и смеющиеся лица! Душа радуется и...

– Игорь! – взвыло из кабинета шефа. – Зайди-ка ко мне! Фотограф жизнерадостно улыбнулся, повесил в шкаф пуховик, положил на стол кофр и вразвалочку пошел к редактору. Мы побросали работу и, толкаясь, сгрудились у дверей кабинета. Гриша, когда сильно злился, говорил тихим-тихим прерывистым шёпотом, а нам было интересно.

– И... ты... я... тебя... и... вообще... – придушенным змеем шипел шеф.

– Кто что слышит?.. – прошептал Санька.

Мы дружно цыкнули. Водитель замолчал, но ненадолго.

– Уволит или нет? – снова не выдержал он.

– Конечно, нет, – фотограф открыл дверь, и мы отшатнулись от кабинета. – Где он еще возьмет *такого* сильного специалиста, чтобы круглосуточно пахать за *такие* деньги?

– Игорь! – надрывно возопил Гриша. – Марш работать!

Фотограф аккуратно просочился мимо нас к своему рабочему столу и привычно, с размаху, плюхнулся в кресло. То жалобно скрипнуло и рассыпалось на запчасти. Игорь, помянув неизвестную женщину легкого поведения и известную маму, звучно шлепнулся на пол. Кто-то (кажется, я) хихикнул, кто-то сочувственно запричитал, а жертва моей подлости села и растерянно потеряла ушибленный копчик.

Я удовлетворённо улыбнулась и повернулась к Валику:

– Гони коньяк!

Тот, картинно шмыгнув носом, полез в тумбочку. Фотограф же, кряхтя, встал и глянул на меня с подозрением:

– А по какому случаю пьём?

– А по случаю выигрыша.

– Васька!..

– Валик со мной поспорил, что твое кресло развалится после новогодних праздников, а считала, что до них, – я с готовностью «сдала» старого друга.

Игорёк был добрейшей души человеком.

– А я, как причина спора, требую участия в распитии, – заявил он.

Валик достал из тумбочки коньяк и с грохотом поставил его на стол:

– Надеюсь, меня позвать не забудете?

Из «клоаки» озабоченно выглянула Анютка:

– Как-то шумно сегодня... О, Валик, у тебя что, день рождения?

– Нет, предпраздничный синдром, – проворчал он. – Готовлюсь к каникулам и закаляю организм.

– Работать, бездельники!.. Всё, шоу масок гоу вон!

Засим веселье кончилось, ибо часы пробили двенадцать дня. Я спрятала трофейный коньяк в сумку и уткнулась в монитор. Журналисты разбрелись по своим местам, Валик в расстройстве ушёл курить, а Игорь занялся креслом. И всё пошло своим чередом – статьи, верстка, обед и снова статьи. И, слава богу, отсутствующий Муз. Сегодня мне некогда от него отбиваться, больно работы много. Даже привычную утреннюю медитацию над кофе пришлось проводить за редактурой. Впрочем, я фотографу за украденное время отомстила, и на душе было легко и приятно.

Книга однако не отпускала. И в короткие перерывы, за чаем и пирожками, я усердно гуглила в Яндексe – искала подходящие картинки. Башню нашла, природы много красивой нашла, а вот похожего на героя блондина... Увы. Ничего

приличного. Только неприличное. Вместо мужественных и брутальных парней – одни остроухие большеглазые педики, прости, господи. В бронированных корсетах и с цветочками в ушах. Аналогии с ориентацией и психическим здоровьем художников напрашивались сами собой, но мою задачу не облегчали. Сестру, что ли, попросить нарисовать?..

День пролетел незаметно, как и вечер. Сдавая номер в печать в среду, во вторник мы работали до упора. Мы – это выпускающая бригада в количестве трёх человек: меня, редактора и Валика. Рекламщики, шурша баннерами и возмущаясь, разбежались по домам ещё в пять, журналисты – в шесть, а мы просидели над версткой до десяти вечера. Тексты кончились, и я взялась за вычитку полос. Спать раньше трех ночи не лягу – работу домой забрать придется, но всё же...

– Василиса, опять?.. – шеф бегал от своего компа к Валику и постоянно за нами бдел. – Тебе полосы для правки печатаются! Ты что там Валику пишешь?

– Признание в любви.

– Дай-ка посмотрю... Ну и почерк, хуже медицинского... Так, ага, «заг кривой, добавь воздуха, ужми размер, подзаг бо...» Ты что-нибудь понимаешь?

– Она меня очень любит, – Валик уныло рассматривал полосы с заметками. – Но я умру раньше...

– Ой, не жалуйся, – я отложила в сторону вычитанную полосу. – Дел – на пятнадцать минут, больше неешь. Я тебя

ещё жалею. Зря, наверно.

В одиннадцатом часу ночи, после пятого звонка Гришиной жены, шеф устало махнул рукой и велел нам «на сегодня кончать». Мы, естественно, не возражали. И шустро сбежали из офиса раньше редактора.

И в лифте Валик таки спросил:

– Вась, признайся честно, ведь сломала же кресло?..

– Да вот ещё! – обиделась я, надевая перед зеркалом шапку. – Мне делать больше нечего?

– Нечего, – согласился он.

– Думай, как хочешь, – я пожала плечами.

Мы проехали два этажа, и Валик снова заговорил:

– Вась, вот скажи, честно глядя мне в глаза, что это не ты!

– Это не я! – и честно посмотрела ему в глаза, завязывая шарф.

Он застегнул пуховик и покосился на меня с подозрением.

Я снова пожала плечами:

– Невинный не оправдывается.

– Ладно, извини... И за то, что Игорю лишнее сболтнул, тоже.

Мы вышли из лифта и кивнули на прощание охраннику.

– Уже простила и забыла, – ответила искренне.

– Подвезти до дома? – Валик открыл передо мной дверь.

– Не, спасибо, сама быстрее добегу, – я натянула на лицо шарф. – До завтра!

– Пока!

Мы разошлись в разные стороны, и я перевела дух. Не люблю врать, но... Не мы такие, как известно, а жизнь такая. Тёмными переулками я поспешила домой, по дороге сочиняя план на сегодняшний вечер, банальный и простой. Прийти домой, накормить зверя, поставить чайник, что-нибудь съесть, вычитать прихваченные с работы полосы, умыться и лечь спать. Серая тоскливая реальность скромных писателей, да. Которая тем серее, чем реже появляются музы – помощники и проводники, рассказывающие о других мирах и чужих жизнях. Которая тем тоскливее, чем меньше у нас свободного времени и чем крепче сжимает в тисках жизненное «надо».

Вот и сейчас. Я торопливо шла домой по парковой аллее, и над моей головой плели кружева покрытые инеем ветки деревьев, весело плясали крупные снежинки. А у меня нет времени остановиться и полюбоваться ночной сказкой зимы. Надо домой, надо работать, надо успеть всё сделать и умудриться выспаться к завтрашнему дню, надо, надо, надо... Я вздохнула и подняла глаза к белому от снежных туч небу. Когда ж...

– Ой-ё-о-о!..

Крутая заледеневшая дорожка змеей выскользнула из-под ног, и я, шлепнувшись на пятую точку, с визгом скатилась в ближайший сугроб. Спасибо маме с папой за подаренную шубку... Я села и потерла ушибленный копчик. А вот и буранг... Или глупая невнимательность. Я поправила съе-

хавшую на лоб шапку, встала, отряхнулась и побрела домой. Спешить расхотелось. Копчик вредно ныл. Чётко выстроенный план на вечер забылся. Я дошла до ближайшей скамейки, стряхнула снег и села, подложив под себя сумку. Подумаешь, на улице минус тридцать... Какая мелочь.

Я вновь подняла глаза к небу. Крупные снежные хлопья сверкали в зеленоватом свете фонарей, ровной периной устилая парковые дорожки, укутывая вуалью спящие деревья. И высветляя темные рукава шубы. В детстве мы гадали по форме снежинок: если больше кружевных – значит, следующий день будет хорошим, а если много остроконечных – то день не задастся. Как и любое гадание, оно иногда сбывалось, а иногда нет, поэтому я не расстроилась большинству остроконечных. Впрочем, среда есть среда... Ноги начали мёрзнуть, как и все сопутствующее, а вдали завывала метель. Встав, я перекинула через плечо сумку и отправилась домой.

Хата встретила привычным – тьмой, урчанием Баюна и сквозняками. Кот, с любопытством обнюхав мои валенки, устремился на кухню. Сняв шубу и поёжившись, я пошла следом за котом. Включила свет, насыпала живности корм и поморщилась, заглянув в холодильник. Каждый выходной я обещала себе набрать продуктов на неделю и каждый раз находила тысячу и одну причину не выползать на улицу. Как итог – в холодильнике, по выражению моей сестры, мышь не повесилась, а съела от безнадеги саму себя.

Баюн заразительно захрустел кормом. Я включила чай-

ник, помыла вчерашнюю посуду и устроилась за кухонным столом вычитывать полосы. Но от занимательного занятия отвлек знакомый шорох крыльев. Муз, подлое создание, сидел на столе и с аппетитом жевал баранку. И так захотелось бросить нудную вычитку, нырнуть в постель с ноутбуком и часик подумать над книгой... Но работа – важнее. Поэтому...

– Брысь, – я сердито уставилась на текст статьи, – мне некогда!

Муз потёр живот и ухмыльнулся. Странно, что он без спиртного...

– Выпить хочешь?

Он радостно встрепенулся. Я вздохнула и пошла за бутылкой. Много не выпьет, ростиком-то – как раз с коньячную бутыл. Поставив на стол свой выигрыш, я предупредила:

– Выпил и исчез, ясно? Я сегодня занята другим!

Муз споро открыл бутылку и вопросительно приподнял бровь. Я в сомнении посмотрела на крылатого прохвоста. Вообще-то я не пью, тем более на голодный желудок, но... Ладно, день был жутким, длинным и напряжённым. И дома холодно, а чая много не влезет, и...

Я вздохнула. И волнуюсь – за родителей. Они уехали в деревню к папиному сокурснику – и в баню, и Новый год встречать, а связь там ловит, как написала в смс мама, только в левом углу чердака, если стоять на цыпочках лицом к подранному креслу. Сообщения отправлялись раза с пятна-

дцатого, а про звонки и говорить нечего. И уже три дня от них нет вестей, и как бы не вымерзли... Это в городе мороз слегка за тридцать, а в области – за все сорок. И Муз, конечно, потому и появился. Когда я переживаю, то всегда норовлю удрать в написание, а тут и сон яркий подвернулся...

Достав рюмку, я предупредила:

– Чуть-чуть... Куда полную?.. Сам допивать будешь! – и чокнулась с ним. Пока – рюмкой.

Коньяк разлился по телу приятным теплом. Так, теперь работать. Подумаешь, перед глазами плывет... Опыт не пропьёшь. Муз громко сглатывал, присосавшись к бутылке. В моем желудке, поддакивая, согласно и голодно заурчало. Баюн, запрыгнувший ко мне на колени, с интересом уставился на Муза.

– Брысь, я сказала!

Кот вострепнулся и на всякий случай заурчал, а вот крылатый подлец не среагировал. Я сердито фыркнула и залпом допила вторую кружку чая. Муз снова забулькал. У меня лопнуло терпение. И без того день выдался тяжким, хоть и весёлым... Ах, поганец, всё выпил, и куда только влезло?.. Валик смертельно обидится... И ведь не улетает, зараза. А работать надо. Значит, воспользуемся старым испытанным приемом...

– Баюн, ты его видишь? – приподняв мордочку кота за подбородок, я показала на Муза. – Видишь? Отлично. Взять!

Умный мне всё-таки зверь попался. Услышав знакомую

команду, кот встал, потянулся и одним прыжком подмял Муза под себя. Крылатый поганец, выронив недоеденную ба-ранку, громко взвизгнул, извернулся и рванул прочь, по пятам преследуемый Баюном.

– Только не сломайте ничего! – крикнула вслед я.

И – тишина. Муз привычно уцепился за люстру, а кот – затаился в засаде на стеллаже, выжидая. И лишь тиканье кухонных часов нарушало хрупкое затишье. Пользуясь случаем, я снова уткнулась в недочитанную полосу. Всего-то пять штук осталось просмотреть, как раз до полуночи успею...

На автомате отмечая ошибки, я допивала третью кружку чая, когда настенные часы торжественно пробили полночь. Я удивленно моргнула. Мир, пошатнувшись, поплыл: очертания кружки и ручки, окна и стола, размывались, сливаясь в сплошное пятно. Шатаясь, я встала и схватилась за спинку стула. Предметы обстановки заходили ходуном, и от их безумной карусели у меня закружилась голова. Зажмурившись, я плюхнулась обратно на стул.

Мама...

Глава 3

Где мой мир, безупречный и правильный?

Он рассыпался облаком пыли...

«Город 312»

Телефон орал не умолкая. Сев, я протерла ладонями лицо и с минуту бессмысленно таращилась на... одеяло. Да. Одеяло. Которое я нежно обнимала руками и ногами. Ничего не понимаю... Если меня вырубило от усталости на кухне, то как я оказалась в постели?.. Перебралась лунатиком? Чёрт. Надо срочно что-то бросать – или пить, или писать. Или в отпуск удрать, и гори работа синим пламенем?.. Кстати, и время на книгу будет... Точно.

Отключив будильник, я сонно выползла из спальни. Сидящий в коридоре Баюн встретил меня тихим урчанием и заинтересованным взглядом. Да-да, мне тоже любопытно, когда я успела в пижаму переодеться. Ничего не помню... В ванной я включила холодную воду и, стуча зубами, умылась. Полегчало. Пока в зеркало не посмотрела. Оттуда на меня испуганно вытаращилась бледная взъерошенная девица с ядовито-сиреневыми глазами. Моргнув, я зажмурилась. Быть того не может... Вновь взглянув в зеркало, я перевела дух. Почудилось... Пожалуй, брошу пить.

Разминая шею и плечи, я откинула голову и замерла, уста-

вившись в потолок. Твою мать, да что ж за утро!.. На потолке, цепляясь когтями за трещины меж плиток, спал красный птеродактиль. Красный. Птеродактиль. На моем потолке. В моей хате. Ёптеть... Я со стоном уткнулась в полотенце. Глаза тоже ненормальными чудились, но прошла же блажь... Посчитав до десяти и выдохнув, я вновь подняла голову. В полной уверенности, что глюк исчез. А он, сволочь, никуда не делся. Может, и писать тоже бросить?..

Птеродактиль тихо всхрапнул и спрятал голову под перепончатое крыло. Я с трудом поборола желание дёрнуть ящера за свисающий хвост. А как иначе проверить, глюк или нет?.. Но ещё неизвестно, что страшней – собственная ненормальность или наличие нового «жильца»... Помешкав, я повесила полотенце на крючок и, попятившись, вышла из ванной, тихо закрыв дверь и выключив свет. Я, конечно, привыкла худо-бедно к странностям квартиры – к тем же возникающим из ниоткуда вещам... Но – птеродактиль?.. Его, в отличие от канделябров, я не наследовала и в подвал не прятала!..

Обернувшись, я встретила уже два заинтересованных взгляда. Рядом с Баюном сидел Муз и, сопя, грыз бублик. Я села на пол и обняла дрожащие колени. Да, как и любая творческая личность, я была не совсем нормальной. И, работая над книгой, слегка ехала крышей, как того требовала включённость в творческий процесс. А она требовала замещения реальности – для вящей достоверности. И в это время мне

всегда снились безумные сны, мерещились тени и слышались голоса. И выдуманное так заслоняло привычный мир, что я в сорокаградусный мороз не ощущала холода, могла весь день не вспоминать о еде и спать по три-четыре часа, высыпаясь.

Но то – временное замещение! А сейчас... Сейчас выдуманное вторгалось в реальность, нагло и безответственно. И как понять, что творчество переходит в безумие? Где она – эта грань между вдохновением и помешательством? И ведь в процесс-то толком не включилась – в понедельник вечером страниц десять написала...

– Уверена? – просипел, чавкая Муз.

Я удивлённо уставилась на синюшное чудо. Однако мне оказали величайшую честь – со мной заговорили! Коньячный дар пошел на пользу хоть кому-то?

– Конечно, уверена, – огрызнулась я устало и помассировала виски. – Когда мне писать, если одна работа круглосуточно?..

Муз хмыкнул и вынул из-за пояса новый бублик. Меня затерзали смутные сомнения. Ладно, забудем пока о птеродактиле... Я встала и устремилась на кухню, где меня ждало два сюрприза. Первый – вычитанные полосы ровной стопкой лежали на краю стола. А я точно – вот точно! – помню, что вычитала штуки три до того, как... И тем более я не... Запустив ноутбук, я на пару минут выпала из реальности, пролистывая документ. Я не могла написать за ночь пятьдесят

страниц! Мой потолок – десять-пятнадцать, да и то, если с мыслями соберусь, а утром не нужно на работу! Мой потолок... И крыша. Куда ж ты полетела, дорогая, мне без тебя плохо...

Откинувшись на спинку стула, я бездумно уставилась в окно. Не может быть. Это всё не со мной. И вообще, наверно, я сплю. Да. Муз, присев на крышку ноута, паскудно хихикнул. Хорошая месть за вчерашнее, ничего не скажешь... Дай пять, морда запойная. Баюн уныло и многозначительно зашуршал пустой миской, возя её носом по полу. И старинные часы не менее многозначительно пробили десять. Я вздрогнула. Пора бежать на работу...

Есть не хотелось, и собралась я быстро. И, заплетая перед зеркалом французскую косу, мучилась двумя вопросами. Да-да, сразу. Во-первых, кто писал книгу? Кто? Потому что я – удивительное рядом! – выпалась. Кабы всю ночь писала – то никаким будильником меня не поднять, я ничего не слышу в принципе. А я чувствовала себя так, будто проспала девять часов – с двенадцати ночи до девяти утра. Так кто?.. И что делать с птеродактилем? Уверенности, что он – глюк, нет, а Баюна с ящером наедине оставлять боязно, вдруг сожрёт... Соседу кота отдать временно? Наврать только правдоподобно, легенду сочинить душещипательную...

Впрочем, легенда не пригодилась. Баюн наотрез отказался покидать квартиру. Взобрался на стеллаж, спрятался за цветочным горшком и шипел на все мои попытки спасти его

чёрную шкурку. А хозяин – барин... Тревожно оглядев хату, я обулась, надела шубу и с тяжёлым сердцем потопала на работу. Благо есть куда идти... Не готова я пока решать птеродактильные проблемы... А решать придётся.

Пересекая заснеженный парк и озираясь в поисках вероятных странностей, я всё больше убеждалась в одном. Я не спятила. Я нормальна. Всё вокруг – на своих местах, вплоть до аллейки из тридцати пяти плакучих берёз, вплоть до стайки неугомонных снегирей, вплоть до десяти скамеек и запыленных снегом мусорок подле них. Всё в порядке. И я в порядке. А значит... Значит, что-то происходит. Что-то случилось. Но что и почему?..

У дверей офиса я помедлила, посмотрела на электронные часы, отмечая запас в пятнадцать минут плюс десять дежурных на опоздание, оптимистичные двадцать три градуса мороза и решила сбегать за угол, в кофейню. День – длинный, а в обед опять лень будет переобуваться и выползать на холод.

Купив кофе и булочек с корицей, я вышла из кофейни и нос к носу столкнулась благообразным старичком. Да, и утро сегодня странное, и на потепление повылазила нечисть всякая... Старичок щербато улыбнулся, переминаясь с валенка на валенок, и застенчиво сдвинул на затылок засаленную ушанку. Сейчас или дорогу спросит, или десять рублей на «лечение»...

– Девушка, у вас минутка найдется? – прогнусавил он радостно в заиндевелую бородку.

– Денег нет, – честно предупредила я, пряча за спину пакет с обедом.

– А не в деньгах дело, а в душе! – важно отвечал он и уточнил: – Когда вы последний раз беседовали с Богом?

– Привычки разговаривать с самой собой не имею, – буркнула я, натягивая шарф на подбородок.

Вот же встал – не обойти, а крыльцо узкое и скользкое, да и не мне одной в кофейню надо... На крыльцо бодро взобрался мужик без шапки и в расстегнутой дубленке, вынудив нас прижаться к перилам. И нет бы ему уйти, любопытному, а он застрял у дверей, изучая меню...

– С собой? – отмер старичок и недоуменно заморгал.

– Недавно калифорнийские ученые сделали потрясающие открытие – имя Бога звучит как «я», – и неодобрительно посмотрела на тормозного мужика. – А беседы с самим собой, знаете ли, это диагноз.

– Вы хотите об этом поговорить? – оживился мужик в дубленке, приглаживая буйные седые кудри.

Аж про меню забыл, зараза. А впрочем...

– А сколько вы берете?

– Всё зависит от глубины проблемы, – молодцевато подмигнул «мозгоправ».

– Тогда я разорюсь...

– Так что о Боге? – требовательно напомнил о себе старичок.

– Вы проходите или нет? – не менее требовательно вопро-

сили со ступенек.

Мужик, извинившись, скрылся в кофейне, шустро сунув мне визитку, а я просочилась мимо деда с извиняющим: «Простите, на работу опаздываю». И позорно сбежала, поскальзываясь. Нет, ну что за утро...

На работу я пришла вовремя. Пробурчала приветственное, разделась, переобулась в балетки и включила компьютер, ощущая небывалое рабочее рвение. Вернее, безумное желание выгнать прочь глупые мысли, пока они не обросли «обоснуями», пока я в них не поверила...

– Вась, ты здорова? – Валик прищурился.

Видать, на моем лбу висел баннер на манер вчерашнего, но не стебный, а с сакраментальным. «Спасите, я начала новую книгу!» – так сестра «расшифровывала» выражение моего лица в моменты творческих наплывов.

– Не особо, – я открыла рабочую папку.

– Что случилось?

– Мне только что предложили сначала побеседовать с Богом, а потом – подлечить мозги, – объяснила уныло. – Вот и думаю – что насущнее?

Валик предсказуемо хмыкнул и весело заметил:

– И то и другое тебе – только на пользу!

– Спасибо за поддержку, друг, – я запустила проигрыватель, включила испанскую гитару, надела наушники и с головой ушла в работу.

И полдня просидела, не вставая с кресла и тщательно вы-

читывая все шедевры журналистского творчества. Пока спина не затекла. Зато о птеродактиле забыла. Почти. Сняв наушники и откинувшись на спинку кресла, я потянулась, разминая затекшие шейные мышцы. Откуда же ты взялась, сволочь глючная, на мою и без того больную голову?..

– Вась, ты точно в порядке?

Я вздрогнула и сварливо буркнула в ответ:

– Нет, у меня авитаминоз, ПМС и зимняя депрессия.

ПМС в мужском обществе считался темой священной и не стоящей дальнейших обсуждений, однако же...

– Это от отсутствия личной жизни, – снисходительно заметил Игорь. – Замуж тебе пора, и давно!

– Уговорил. Я согласна, – повернулась к фотографу и благодушно улыбнулась: – Пошли!

– Куда? – не понял он.

– В загс, конечно. У меня и паспорт с собой.

– Так я же женатый... – растерялся Игорь.

– Заодно и разведешься.

– Так я доволен...

– Как тебе мало от жизни надо... – я разочарованно обзрела окрестных мужчин. Мужчины в виде водителя и Игорька живо сползли под столы, а Валик только ухмыльнулся в ответ.

– Вот так всегда, – я придвинулась к столу, – сбегать все хотят, а брать никто не хочет.

– Карма? – предположил Валик, откинувшись на спинку

кресла.

– Мужская трусость, – я сурово нахмурилась, пролистывая рекламный текст. – А ещё удивляетесь – почему я живу одна, а секс – только на работе и с работой...

– Эотику читать будешь? – оживился он. – Давай вслух!

– В новом свинокомплексе, который два месяца назад открывал лично губернатор области, нынче пополнение – там родилось тридцать поросят, – прочитала я с выражением. – И благодаря новому оборудованию уже через месяц ожидают следующий солидный приплод. Интересно?

– Да ты извращенка!

– За это мне и платят, – я надела наушники.

Так, спокойно, я сдаю номер. Всё лесом, включая птеродактилей. Работу закончу – и хоть трава не расти... За вычиткой я сгрызла булочки и допила остывший кофе. Муза, сидевшего на мониторе, успешно игнорировала, хотя руки чесались. Но я всплеск вдохновения использовала примитивно – сосредоточилась на редактуре. И удачно перенаправила поток творческой энергии с одного текста на другой, с создания на «причесывание». Да и повод забить на крылатого паршивца был серьезный.

При одном взгляде на Муза вспоминалось сумасшедшее утро, а мысли о собственном безумии отрезвляли лучше ледяного душа. Я всегда боялась спятить. Наверно, поэтому так мало писала, закрываясь от творчества, «засушивая» перспективные идеи на стадии обдумывания, запирая их в

блокнотах. Свои прежние книги я дописывала без Муза, ведь его присутствие решало немного. Он подталкивал, мотивировал и дразнил, он был необходим на первоначальном этапе придумывания – без него образы приходили нечеткими и непонятными. А вот работать над книгой я могла и без него. Но выбрала не писательство, а офисные посиделки. Потому что боялась спятить, заблудившись в выдумках, подменив реальность фантазией. Всегда боялась.

Тексты кончились неожиданно и быстро. Закрыв последний файл, я оглядела кабинет. Санька с Игорем уже успели уехать на съемку, а за спиной Валика мельтешил Гриша и, тыча пальцем в экран монитора, командовал, куда какой текст заливать и откуда брать нужные фотки. Я сползла по спинке кресла, прячась за свой монитор, и уткнулась носом в шарф. Муз дрябнул коньяка и подмигнул. Я внутренне застонала. Как не вовремя...

Впрочем, он вместе с вдохновением всегда приходил не вовремя. И его появление напоминало погружение в сон. Моргнул – и провалился в темноту, сделал шаг – и вокруг взметнулись образы. Открыл глаза – и увиденное, прежде сокрытое, слилось с реальностью. И в часах с кукушкой живет не сломанная механическая птица, а юркий домовенок. А в водопроводных трубах обитают мелкие водяные феи. И, помнится, в детстве я нарочно смывала в раковину остатки пищи, чтобы их подкормить. А в ванной... Я невесело улыбнулась. А в ванной на потолке спит красный птеродактиль. И

почему-то в существование незримого, тех же водяных фей, верилось легче...

– Вась?

– У меня обед! – огрызнулась я. – Гриш, не трогай меня пять минут, а?

– Ладно, только на принтер не забудь сходить.

Я вновь замкнулась в себе.

Вдохновение помогало видеть неожиданное и волшебное в обычных вещах. И оно всегда приходило внезапно и ненадолго. Но успевало напрочь снести крышу. Разве можно нормально работать, когда кажется, что из сумки журналистки выглядывает мордочка леприкона (и – нет! – дело не в зелёном цвете кожаных рюшей, напоминающих поля шляпы)?.. И ни контролировать поток образов, ни тормозить его никогда не получалось. И я старалась переждать. Пересидеть, забившись в угол. Дождаться, когда образы осядут в блокноте зарисовками. А потом выкапывалась из горы черновиков и с трудом возвращалась в реальность. И ещё недели две «радовалась» остаточным явлениям в виде ярких кошмаров и неожиданных ассоциаций.

Пересидеть... Я задумчиво нахмурилась. До Нового года – чуть больше недели... Не доживу. Однозначно. Сейчас вдохновение сильнее, чем когда-либо. А прежде приступы образного мышления вызывали полнейший отказ чувства самосохранения. И я ходила по инерции, не замечая ни скользких ступенек, ни сосулек над головой, ни «красного

человечка» на светофоре, ни возмущенных сигналов водителей. Да, бог хранит детей, пьяниц и ненормальных, ибо до сих пор мне везло. Но рисковать не хотелось. И совмещать работу и творчество, когда одно мешает другому, – тоже.

– Пять минут прошло!

ТЬфу на вас...

– Василиса, на принтер за полосами бегом!..

ТЬфу на вас еще раз...

– Вась, я принесу, – Валик встал и бодро вышел из кабинета.

Я потёрла затекшую поясницу и вооружилась красной ручкой. Предпоследний шаг – труднее последнего... Дочитать полосы, сверить – и домой. Ой, я ж забыла отдать Валику вычитанные дома полосы... Впрочем, ему все равно некогда было правку вносить. Я достала из сумки сложенные листы и мельком их проглядела. И я читала, и не я... Корректорские знаки – по фэншую, ошибки – по делу, а вот почерк... Почерк не мой. Я пишу как курица лапой, мои кракозябры только Валик и ухитряется разбирать. И на половине полос пометки кривые и косые, а на остальных – четкие, понятные. Мистика.

Вручив подошедшему другу правленные полосы, я разложила на столе новые и решительно сосредоточилась на работе.

– Вась, а кто это писал? – он задумчиво рассматривал правку, очевидно находя десять отличий.

– Я, кто ж ещё.

– Непохоже.

– Подумаешь...

Валик не утомился. Вернулся на свое рабочее место и сердито написал в аську: «Что случилось? И не заливай про ПМС, тебе ещё дней десять до них».

Вот зараза. И не живём вместе, и не спим, а всё про меня знает. Почти всё.

Я настрочила в ответ умоляющее: «Давай потом, а? Номер сдадим и поговорим! Только Гришиных истерик мне не хватает для полного счастья!»

Он хмуро кивнул и углубился в свою работу, а я взялась за вычитку. Так, свинокомплекс, дотации, инфляция, обещания мэра – о том, что все будет хорошо, рост наркомании, реклама нанопротезов, патологическая школьная безграмотность, рост цен на гречку, заявления губернатора – о том, что всё будет еще лучше, чем говорит мэр... *Тёмная сутулая фигура стоит в тесном коридоре и пишет на пыльных стенах...*

Я моргнула. Тьфу... И причем тут бройлеры, с чего вдруг такая ассоциация?.. Ага, инновации, будь они неладны, снова мэр, когда ж он кончится, ликвидация ОПГ... *Буквы ложатся на стену сияющей вязью, и коридор сужается, тонет в тусклом тумане. И наливаются светом слова, когда писец ставит точку в предложении и отступает от стены на шаг, поводя плечами.*

Я внутренне застонала. Невозможно работать... Муз отсалютовал мне рюмкой и вредно хихикнул. Гадёныш. У меня же текст дома, на компе, я специально его на флешку сбрасывать не стала, чтобы соблазна не было!..

– Вась, держи ещё полосы.

Угу. Бройлеры, куда ж без вас... Парень из выдумки упрямо мельтешил перед внутренним взором, но я стоически читала городские новости, на автомате расставляя запятые и отлавливая опечатки. Да, опыт – это вещь. Музу стало скучно пить в одиночестве, и он обиженно перебрался на монитор верстальщика. Валик застучал по клавиатуре ещё усерднее, вдохновенно внося правки. Да, музы – они такие, стимулирующие... Ничего, дома поговорим. И о том, как мешать рабочему процессу, и о том, как дезертировать.

– Гриш, сверяемся? – Валик положил на мой стол пухлую стопку полос.

Ненавижу сверку. Тупое занятие. Но необходимое. Мало ли, Валик что-то не внес, Гриша с подписями накосячил... Сидишь с двумя экземплярами будущей газеты и ищешь, что не так.

– Сверяйтесь, – отозвался редактор.

Я мельком глянула на часы. Почти десять. Успеть бы домой к двенадцати. Если именно после полуночи меня настигают провалы в памяти... Не хочу потом слушать небылицы о себе от Валика и шефа. Если я ничего не помню... то чем же занимаюсь-то ночью?.. Я прикинула оставшийся объем

работы. Тридцать полос формата А3 вычитано, сверить и подобрать за Валиком невнесенные ошибки, перечитать заголовки и подписи под фотками – и домой. Еще час работы, не больше. Прежде мы и до двух-трех ночи задерживались со сдачей, а потом в типографии психанули и обозначили дедлайн – до двенадцати, и точка. Опоздаем хоть на пять минут – газета не выйдет в печать.

– Василиса, шустрей, – скомандовал Гриша, пробегая мимо. – Валентин, пятую полосу открой, мы рекламный макет не заменили.

Я взялась за проверку заголовков. «Цены на гречку выросли вдове», «Облуживание по-королевски», «Сосем не тот случай» и «Совращение заводских работников» немного подняли настроение. Впрочем, в моем хит-параде на первом месте уже года два неизменно оставалось шедевральное «Святая вода благотворно воздействует на человеческий организм». Журналист, разумеется, писал об «организме», а вот о чём он думал по ходу работы над статьей...

– Гриш, да у тебя все ошибки по Фрейду.

– А ты свою работу работай! – буркнул он, шурша полосоми. – А ты, напоминаю, корректор, а не психолог! Так, Валентин, на восьмой, где дырка, фотку поставь...

«Не психолог»... Я вообще-то и не корректор, а филолог и писатель. А здесь... так, на покушать зарабатываю.

– Игорь опять завтра в позу встанет, что не его фотки берём, а информагентства, – заметил Валик.

– Как встанет, так и сядет, он же не памятник, – отмахнулся Гриша. – Будет знать, как чудить по утрам и ломать имущество организации. На пятнадцатой полосе фотку высветли и рекламу пива замажь.

– Может, денег с них стрясем? – пробормотал друг. – Спецвыпуск накрывается, а премию к Новому году охота...

Я подняла голову и переспросила:

– Спецвыпуск накрывается? А почему я об этом не знаю?

– А потому что в облаках витать меньше надо, – беззлобно отозвался редактор, вдумчиво изучая что-то на экране монитора. – Рекламы не набрали наши трудоголики. Кризис, видите ли.

– А ты у них чайник реквизируй, – посоветовал Валик, – и печенюшки. И оклад обрежь, чтобы только на процентах сидели. И кризис сразу кончится, и реклама появится.

– Отставить диверсии! – нахмурился Гриша, потёр живот и вздохнул: – Но про чайник с печеньем ты верно сказал...

– Грабим? – ухмыльнулся друг.

– Иди, – благословил редактор.

Я, сверяя последнюю полосу, фыркнула:

– На кого теперь валить будете?

– На тебя, – хором заявили «диверсанты».

– А совесть-то в курсе? – усмехнулась я.

– Совесть в деле! – весело отозвался из коридора Валик. –

И в доле!

– А-апчихи! – согласно чихнул Гриша.

За день мы подъедали все свои припасы, а поздним вечером, когда кроме нас троих в редакции уже никого не было, — чужие. Обычно «рекламные», но иногда вспоминали о совести и воровали у журналистов. Но у рекламщиков — чаще. За журналистами приходилось подьедать засохшее и завалявшееся. А рекламщики по долгу службы постоянно разъезжали по фабрикам и магазинам, таща оттуда и колбасу, и сыр, и печенье с сушками и пряниками, и всё свежее и вкусное.

Валик ушел «на дело», а редактор сел на его место. Муз, кстати, сразу же от Гриши шарахнулся и вновь уселся на мой монитор, свесив кривые ножки. Я аккуратно сложила сверенные полосы в стопку, убрала старые в «макулатурный» ящик стола и предупредила:

— Я — домой.

Время — почти одиннадцать.

— Иди, — Гриша рассеянно тарачился на Муза, но, понятно, ничего не видел.

Крылатый прохвост этим пользовался и, обернувшись, корчил редактору страшные рожи. Впрочем, он такой страшный сам по себе, Муз, в смысле, что и корчить-то ничего не нужно.

Я быстро переобулась, выключила комп и натянула шапку:

— И завтра не приду.

— И не надо, — редактор устало откинулся в кресле и сложил руки на выпирающем животе. — Я тоже не приду.

Я надела шубу, застегнулась и перекинула через плечо сумку, хмыкнув:

– Ты-то? Тебе по должности полагается быть здесь *всегда*. Но мечтать, говорят, не вредно...

– Кышь, – насупился шеф, – сгинь, нечистая сила.

– До пятницы, – я махнула рукой и устремилась к лифту.

Успеть бы... Некрасиво, конечно, но с Валиком объясняться не хочется. И поднимать неприятную тему – тоже. Она почти улеглась, как и беспокойство. После сдачи номера от переизбытка информации так голова болит, что не до птеродактилей совсем. Хочется прийти домой, забраться под одеяло и сдохнуть до утра. Чтобы воскреснуть часам к двум дня и спросить: «Доколе?..» И, не получив ответа, вновь пойти по исхоженному порочному кругу. Сама выбрала. Сама виновата.

– Васька! А ну, стой!..

Я прошмыгнула в лифт, нажала на кнопку и нервно улыбнулась:

– Знаешь... давай потом. Пока! И не валите на меня свои пряники!

– Вася!..

Грозный окрик должного результата не возымел. Я махнула рукой, и двери лифа закрылись. Я сказала, завтра – значит, завтра! И неважно, что завтра я на работу не приду. И – бегом домой. К голодному коту, глюку-птеродактилю, компу и одиночеству.

И кому я такая ненормальная нужна-то?.. Даже Валик, во избежание неприятностей, сразу решил, что мы «дружим», и точка. И, как метко сказал мой бывший на прощание, осчастливь мужчин, не начинай ни с кем отношений. Уже в который раз думаю, что он прав. Но — это всё лирика. А проза висит в ванной на потолке. Кстати, как там Баюн, ужился ли с глюком, будь он неладен?.. А может, померещилось спр-сонья?..

Я вышла из бизнес-центра и вздрогнула. У здания напротив, через дорогу, стоял сутулый парень в ярких кедах и расписывал стену граффити. Ядовито-зелёная люминесцентная краска обрисовывала странный символ, а мне опять померещился другой парень, из пыльного коридора. Но... нет, этот вроде знакомый — и кеды, одетые в мороз, и рыжая псина рядом с палкой скачет... Точно, или в отпуск пора, или на больничный, пока вдохновение не схлынет, а Муз не денется куда-нибудь.

Ледяной ветер и сибирский мороз стали еще одним «за» к двухнедельному отгулу после каникул. А что? Я два года работаю без отпуска. Имею право. Пусть Гриша ищет мне замену, где хочет. До февраля уйду в астрал и там переведу дух. Всё для себя решив, я быстро дошла до дома, от мороза и волнения забыв о пустом холодильнике. Мысли о котике, которые я тщательно отгоняла работой, вышли на первый план. Надеюсь, дома всё в порядке...

Четыре этажа я преодолела бегом, на ходу расстегивая

шубу, но в пролёте между четвертым и пятым остановилась. Темно, хоть глаз выколи... И с площадки доносится явный лязгающий скрежет. Очень, кстати, знакомый. Так моя соседка по площадке, Серафима Ильинична, дверь открывает. Я пользовалась подсветкой от сотового, дядя Боря – зажигалкой, а Серафима Ильинична полагалась на свой третий глаз и пыталась в полной темноте попасть ключом в замочную скважину.

Я замерла. И без того день дурной, так не хватало еще этой бабке на глаза попасться...

Всего на площадке находилось три квартиры: ближе к лестнице моя, посередине – дяди Бори, а дальняя – престарелой пары, Владлена Матвеевича и, собственно, его жены. И если соседа я никогда не видела (по слухам, он был сидячим инвалидом весьма преклонных лет), то Серафима Ильинична постоянно шныряла по округе. И знаменита бабулька была своим третьим глазом (вернее, его отсутствием). Мало того, что она фанатела от «Битвы экстрасенсов» и врубала телевизор на всю округу, так и сама пыталась предсказывать будущее по поводу и без. Мне от неё тоже перепало, но никогда не сбывалось. А опасалась я не столько предсказаний, сколько паранормального вида сумасшедшей бабки. Ибо выглядела она жутко. И, предсказывая, прилипало намертво.

Лязганье ключа затихло, и скрипнула дверь. Я посчитала до двадцати, дождалась повторного скрипа и характерного щёлканья замка и осторожно поднялась на площадку. Вро-

де, никого... Сняла холодные перчатки и достала из кармана шубы ключи и сотовый. Опять свет зачем-то вырубили... Надо завтра в ЖЭК позвонить и пожаловаться, второй раз на неделе без света остаемся... Я открыла дверь, улыбнулась урчанию Баюна, но в квартиру зайти не успела. Цепкая рука схватила меня за локоть.

Выронив ключи и заорав, я дернулась, освобождаясь, и резко обернулась. Голубоватое сияние экрана сотового озарило потустороннее лицо Серафимы Ильиничны. Мертвенно-бледная сухая кожа, обтянувшая острые скулы, остановившийся взгляд, направленный в «куда-то там», поджатые сухие губы, короткие и всколоченные седые волосы.

– Беда за тобой... – прошептала она замогильно. – Беда, девонька...

– Се-сераф-фим-ма И-ильинична... – прозаикалась я испуганно. Сердце колотилось как сумасшедшее. Вот же подловила и подкралась, а... Так и ноги протянуть недолго...

– Слушай! – крикнула бабка строго и, дико вытаращив бесцветные глаза, сипло повторила: – слушай да запоминай! Беда за тобой. Шаг за шагом – и всё ближе, – фразы прорывались сухо, отрывисто: – Другая ты. Сила у тебя есть, самой неведомая. Раскрываться начала. И беда с ней идёт за руку. *Оттуда* идёт. Через тебя. К тебе. За тобой. Душа нужна, – и, запнувшись, крикнула резко: – Душа, поняла? Сила в ней! Берегись того, чем занимаешься! – и снова сипло, глухо: – Уж не свернуть с пути... Дверь открылась, путь указан.

И идёт за тобой. Идёт... — и отступила, выдохнув: — Дома
будь, защита есть... Рядом с тобой те, кто беда... Идут они...
Идут... Идут...

Я в ужасе попятилась, громко хлопнув дверью. Баюн
громко и успокаивающе заурчал. Я, дрожа, сползла по стен-
ке и сгребла кота в охапку, крепко прижав его к груди. Мать
твою, да что ж это за день-то за такой, а?.. И ночь ещё... И
невольно вздрогнула.

Кухонные часы тихо пробили полночь. Во мраке коридора
неловко, но явно заворочались безликие тени...

Глава 4

*Я сам не свой, мой след потерян,
Я с головой в песчинках времени
Упал на дно...*

«Би-2»

...Тень подкрадывалась медленно, осторожно, бесшумно. Наблюдая за ней краем глаза, я затаил дыхание. Тень, нерешительно замерев в двух шагах от меня, сгустилась и притворилась моим отражением-спутником. Я вздохнул. Когда же они обретут наконец мозги и начнут думать?.. Тень обрадованно протянула руки к моим плечам. Дождавшись, когда костлявые пальцы коснутся обнаженной кожи, я резко обернулся и схватил тень за горло. Та, трепыхнувшись, пискнула и приняла облик своего хозяина.

– Ну, доброй ночи, – я приподнял бровь.

Тень съежилась и обмякла. Я же рассматривал её с насмешливым любопытством. Немногое люди из моего окружения имеют коротко стриженные волосы и столь высокий рост при худощавом телосложении. Я склонил голову набок, всматриваясь в «лицо» тени, на котором проявились грубоватые резкие «черты» и загорелись синевой раскосые глаза.

– Доброй ночи, Астор, – я доброжелательно улыбнулся. – Поговорим?

Пустой взор стал осмысленным. Я улыбнулся ещё доброжелательнее. Тень сникла окончательно. И молчала. Метала на меня из-под густых бровей затравленные взоры и упрямо молчала.

– Хорошо, будь по-твоему, – я пожал плечами. – Тебе тень не нужна, а вот мне пригодится её сила. Выпью одним глотком.

– Ос-с-ставь её, – прошипел безгубый рот тени. – Чего ты хочеш-ш-шь?

Я уселся на стул, заставив тень сжаться в комок, и принялся перечислять:

– Во-первых, спать. А ты опять отвлекаешь меня от столь важного дела. Ещё я бы предпочел общаться с тобой лицом к лицу. Если у тебя хватит смелости. Также мне не помешала бы сила, которую я вынужден тратить на защитные заклятья, и деньги, которые я почему-то должен тратить на то же самое. И, самое главное...

– Короче, мальчишка, – поморщившись, просипела тень.

Я усмехнулся:

– Опять перебиваешь? Нельзя быть таким нетерпеливым, Астор, ты же говорил, что это первый признак неуверенности в себе. Так вот, самое главное – это собственная тень.

– У тебя никогда её не было, – глухо обозначил очевидное незванный гость.

– Ничего, будет, – самонадеянно заявил я. – И чем скорее ты и тебе подобные оставят меня в покое – тем быстрее она

появится.

– Не видать тебе тени. Мелковат. Глуповат. Трусоват. Слабоват. Даром что высшим рожден, когда самое твое место – среди низших существ.

– Наставник, – я качнул головой и ухмыльнулся, – ты непоследователен. Недавно я был достоин почтить своим присутствием ряды срединных существ. Как, ты опять ошибся? – я картинно поднял брови: – Не может быть!

– Мальчишка, – тень страдальчески закатила глаза. – Глупое создание, я же пытаюсь спасти тебя!

– От чего? – с интересом спросил я.

– От самого себя, разумеется, – он нахмурился. – От всего остального ты защитишь себя сам, даром что высший да с моими знаниями. Только от самого себя.

– Не стоит утруждаться, – я посмотрел в расплывчатое «лицо» холодно и жестко. – Не стоит. Я давно все решил.

– Ты не вернёшься, – предсказал Астор. – В путь отправится бесчисленное поколение безтеневого высших, но до цели дойдут лишь десять человек. Понимаешь? Всего десять человек из десяти тысяч! А остальные погибнут. Хранители сторожат свои тайны. И никому не позволят уйти из своего логова живым. Только тем, кто получит тень и принесет клятву молчания. А ты... Ты даже вступительное испытание не пройдешь!..

– Понимаю, – ответил спокойно. – Я, может, и глуповат, но я всё понимаю. И все решил. Я пойду, – и на мгновение

отвел глаза: — и ты должен понять... Я... не могу не пойти.
— Можешь. Тень — не единственный источник твой силы. Ты же знаешь... Ты — не такой, как остальные высшие. Ты... другой.

— *Это* не сила, — я упрямо мотнул головой. — И я не могу не пойти. Испугаться и забиться в угол, чтобы потом остаться и без тени, и без силы? Лучше смерть. Я *не смогу* стать обычным человеком.

— Рожденный ползать... — начал мой собеседник.

— ...везде пролезет, — беззаботно улыбнулся я.

Тень длинно выругалась. Я соорудил удивленную гримасу:

— Наставник!..

Он замолчал. Долго-долго смотрел в мои непроницаемые глаза. Тяжело вздохнул. И сдался:

— Отпусти тень.

— И никаких нравоучений? — уточнил я.

Астор кивнул:

— Полночь в помощь. Более не приду.

— Всего доброго, — и я разжал руки.

Тень выпрямилась, потянулась и метнулась к окну. Я напряженно наблюдал за каждым ее движением. Оглянувшись, тень кинула на меня взгляд, полный сожаления, и растворилась в полуночном мраке. Я откинулся на спинку стула, вперив в окно невидящий взор. Наставник, наставник... Зачем же ты воспитывал во мне уверенность, знание собственной сущности и силы, стремление достигать невозможного... ес-

ли полагал, что я способен лишь молча сидеть на обочине, беспомощно наблюдая за закатом Полночи? Если никогда не верил, что я способен получить тень – так или иначе?

Странно. Горько. Неприятно. Беспокойно. Почти... больно. Я подошел к окну и прижался лбом к холодному стеклу. Зачем приходил?.. Я привык отвечать за свои слова и взвешивать собственные поступки. И привык добиваться своего. И рисковать – не напрасно, но для достижения результата. И все продумал, и все решил, и... Наставник, наставник... Зачем же ты снова будишь от спячки растерянного, испуганного, неуверенного мальчишку, который однажды пришёл к тебе и за знаниями, и за обретением себя?..

А за окном бушевала осенняя метель. Влажный ветер срывал с деревьев сухие листья, и среди голых ветвей мельтешили первые крупные снежные крупы. Деревья, дрожа, обступали дом и скреблись в окна, стучались в закрытую дверь. Я молчал, вслушиваясь в вой вьюги и испытывая безотчётное желание выйти вон, хлопнуть дверью и раствориться в непогоде, растаять без следа в ледяной тьме. Но куда идти, когда за спиной постоянно маячат чужие тени, сбивая с выбранного пути?..

Окно запотело от тяжелого горячего дыхания, и, помедлив, я нарисовал на стекле ступени силы. Я слишком поздно родился, чтобы успеть обзавестись тенью... На туманной поверхности появилась расплывчатая линия с десятью крупными точками.

Мы рождаемся, и Полночь выводит нас на первую точку силы – Жизнь, а следом и на вторую – Тело. Мы учимся смотреть по сторонам, ощущать себя и выходим на третью точку силы – Время. Проходят ночи, и, вставая на ноги, изучая дом и выходя за его пределы, мы достигаем сначала точки Пространства, а после – Силы и Знаний, вместе с которыми выходим на Память. Я перечеркнул седьмую точку Памяти. Сейчас это мой порог, недавнее достижение, и до Мудрости ещё идти и идти... Чтобы, пользуясь Памятью и Мудростью, избавиться от ненужных масок, обрести себя и добраться до точек Души и Смерти. И обзавестись тенью – силовым слепком себя, сущностью, свитой из собственной мощи.

Я вздохнул и стёр линию. Время вечной Полночи проходит, и на следующее тысячелетие тьма сменится непрерывным светом, отнимающим у высших способность к магии. Зато низшие и срединные существа останутся при своём.

При своём... Низшие не могут подняться выше точки Силы, а срединные – Памяти, но им хватит клочьев остаточной магии ночи, чтобы остаться собой. А нам – нет. Лишь те сохраняют способность к магии, кто уже сотворил тень, и то благодаря её природе низшего. Но большинство из нас станет обычными людьми. С тенью, кстати. С ненужной, глупой и бесполезной тенью, порожденной солнечным светом.

Да, по легенде, мрак на эпоху впадет в спячку, а ночь сменится днем и ярким светом, выжигающим остатки столь необходимой магии Полночи...

За моей спиной снова мелькнула тень, и я привычно насторожился. Наверняка кто-то из моего неугомонного семейства... Я – самый младший, и у всех давно есть тени. У дедушек, бабушек, родителей, братьев, сестры... Я стиснул зубы. И у меня будет. Обязательно. Костями лягу. Я прикрыл глаза и сосредоточился. Ночь послушно шевельнула крыльями, и перед моим мысленным взором замельтешили многочисленные точки, складываясь в крошечные рисунки. Неровные стены тесной комнатки, низкий потолок, полуразобранная кладка очага с тлеющими углями, узкая кровать, низкий стол и шаткий стул. И – летучая мышь.

Улыбнувшись, я обернулся и протянул руку. Зверек, покладлив, сел на мою ладонь. С тихим шорохом свернулись серые крылышки. Доверчиво сверкнули красноватые огоньки глаз. Как же ты сюда попал? Через дымоход?

– Поговори со мной, – тихо попросил я. – Не улетай. Поговори со мной...

Мышь склонила голову набок, внимательно изучая моё уставшее лицо. А я... Да, я устал. И больше ожидания предстоящего испытания выматывало общение с толпой сочувствующих и попытки спрятаться от их навязчивого внимания. Я сел на кровать и осторожно пересадил зверька на спинку стула. Тот, повозившись, запахнулся в крылья и вопросительно пискнул.

– Перекусить? – переспросил я. – Да, наверно, надо...
Нежданная собеседница снова склонила голову набок.

– Ну, – я растерянно улыбнулся, – кажется, утром ел... Не помню. Не до того теперь... Конечно, неправильно. Но и жизнь – вещь с серьезными изъянами. Даром что заставляет нас жить по тем правилам, которых сама не соблюдает... Угощайся.

Я раскрошил на столе хлебный ломоть и под пристальным взглядом мыши попробовал поесть сам. Грея руки о чашку травяного чая, я без аппетита жевал хлеб, уделяя мыши больше внимания, чем еде. А та, перекусив, рассказывала последние вести. Здесь, в затерянной среди Мглистых болот хибарке, я прячусь уже давно, и пока лишь наставник смог меня отыскать. На меня работало моё Время – я мог уподобляться ему, становиться невидимкой, замечая следы, пребывая одновременно и нигде, и везде. Ощущение *меня* можно встретить где угодно, но ни одно из них не укажет на истинное местонахождение. Остается только гадать, как меня отыскал наставник... и надеяться, что он никому ничего не расскажет. Другое убежище быстро не найти, а мне не до поисков. Успеть бы подготовиться.

– Сколько, говоришь, осталось до заката Полночи? – переспросил я. – Так мало?.. А про испытание ничего не знаешь? Да, попросился... Неожиданно? Это плохо. Что ты, какой сон... Позже выплюсь, когда все закончится.

Мышь фыркнула. Я усмехнулся:

– Так или иначе выплюсь. Или в жизни, или в смерти. Что? Шаги слышишь?

Я насторожился. Снаружи выл ветер, скреблись в окна ветви чахлых деревьев и... растворялись в реве стихии осторожные шаги. Я устало вздохнул. Атталь. Сестра. Похоже, наставник не смолчал. Я поспешно шагнул к стене, сливаясь с грубой кладкой каменной стены, а мышь вспорхнула к потолку, затаившись в углу. Замерев, я заставил тьму съежиться, поглощая мои следы, и потух никогда не разжигаемый очаг, исчезли со стола и пола крошки хлеба, утонули во мраке мои вещи, тихо звякнул на двери крепкий замок, запирая убежище снаружи. Я едва заметно улыбнулся. Поиграем в прятки, сестра? Прежде тебе всегда не везло.

Ждать пришлось долго. До домика добраться непросто: я заблаговременно подкупил и запугал всех болотников и огоньков, и те исправно гоняли путников по кромке трясины, заводя непрошенных гостей в топи и непролазные места. Собственно, подкупил я их, чтобы заводили, а запугал – чтобы не смели топить. Лишь поводить за нос, утомить и вынудить бросить поиски. И одни бросали, но Атталь... Сестра упряма, как сотня подкупленных болотников.

Скрипнул отпираемый замок, и в душное пространство ворвался сырой затхлый ветер болот. Я перестал дышать, остановив биение сердца. Время упорных занятий позволяло держаться достаточно долго. Надеюсь, Атталь уйдет прежде, чем я спугну чары или окончательно превращусь в камень.

– Брат? – она остановилась посреди комнаты, озираясь. –

Ты здесь?

Я не подавал признаков жизни. Из-за спины Атталь выступила тень, пробежалась вдоль стен, но никого не нашла. И сестра сама обошла комнатку, тщательно прощупывая каждый ее камешек. Я едва заметно поморщился, когда обжигающие плети магии больно прошли по плечам и груди, и пожалел о своей привычке ходить полураздетым. Заговоренные рубаха с курткой – слабая, но защита от заклятий Полуночи. Я закрыл глаза, держась из последних сил. Атталь же, проверив и перепроверив, вздохнула и отступила к стене, признавая поражение.

– Сдаюсь, – горькая усмешка на бледных губах и усталость на осунувшемся лице. – Ты опять победил. Мне тебя не найти. Но... я не учить тебя пришла. Я пришла попрощаться. И пожелать тебе удачи, брат. Вот, – и она положила на стул сумку, – собрала кое-что тебе в дорогу, в пути пригодится.

Я едва сдержал желание обнять её. На прощание. Но нельзя. Не стоит.

– И запомни, – тихо добавила Атталь. – С чем бы ты ни вернулся – с тенью или без, – мы всегда будем тебя ждать. И любить. Неважно, маг ты или человек. Ты – семья. Удачи. Полночь в помощь.

Резко развернувшись, она вышла из дома, лишь взметнулась за хрупкой спиной длинная черная коса с десятью узлами. Я недоверчиво посмотрел ей вслед и понял: она остро чувствует и моё присутствие, и наблюдение. Но Атталь ни

разу не обернулась. Не подала виду, удаляясь прочь и растворяясь в осенней метели. Но, помня о её редкой способности творить мороки и обводить вокруг пальца любого, я решил выждать. Мышь, помедлив, спустилась на спинку стула и пискнула. Ушла...

Я вывалился на пол и судорожно перевел дух. Мысленно прикинул проведенное в камне время и хмыкнул. Расту. На сей раз продержался дольше обычного, да и запас сил остался. Сев, я задумчиво изучил красноватые полосы ожогов на плечах и груди. Те начали медленно бледнеть, заживая. Атталь имела особенность – ранить даже самым безобидным заклятьем. Она встречалась крайне редко, и как же непросто сестре владеть таким даром... Да, стоит оказаться в непростой истории, на пороге отчаяния – и чётче видны те вещи, которых раньше не замечал, не понимал, не принимал.

Рассеянно нахмурившись, я заглянул в принесенную сестрой сумку. Зелья, зелья, зелья, амулет какой-то, по виду искорку напоминает, снова зелья, еда... Так, а это что? Я с интересом развернул потрепанный свиток. И сел на пол от удивления. Ну, Атталь... Где же ты это взяла?.. По сизому клочку свитка скользили, исчезая после беглого прочтения, косые строчки букв. Одно предложение смеялось новым, и я не заметил, как с головой ушел в прочтение. «Бегающая» летопись – реликвия великих магов прошлого, недоступная простым смертным... Благодарю, сестра, буду должен...

Ледяной сквозняк гонял по полу старую пыль, осенний

холод неприятно обнимал за плечи, настойчиво заявлял о себе голод, но я сидел, с головой погрузившись в чтение, ничего не замечая и видя лишь скользкие каракули незнакомого писца. Настоящее отступило на второй план перед тайнами прошлого, сухо и скучно повествуящими о закате Полночи. И об испытании. Правда, туманные намеки больше путали и сбивали с толку, чем объясняли... Но объяснения сейчас не главное. Главное, запомнить то, что есть. После разберусь на практике. И я жадно впитывал знания, не отвлекаясь, пока меня не побеспокоил робкий луч света.

Я устало поднял голову и протёр глаза. Вот и первый призрак заката... Я подошел к окну и с замиранием сердца посмотрел на необычную картину. Тонкая, едва различимая во мраке полоска раскаленного золота скользила меж темных туч, осторожно кралась по земле, выхватывая то корягу, то скрюченное деревце, то изумленную физиономию болотника. Последние испуганно ныряли в чахлые заросли травы и зажмуривали белесые глаза, страшась света. И замолчали напряжённо птицы, замерли болотные огоньки. Казалось, даже ветер испуганно спрятал голову под крыло, затаившись в голых древесных ветвях.

Помедлив, я сунул в карман штанов недочитанный свиток, накинул на плечи рубаху и выскользнул из дома. И остановился на крыльце, не отрывая зачарованного взгляда от луча. А тот не менее зачарованно рассматривал мир, разрисовывая незнакомыми красками Полночь, разгоняя сумрач-

ные тени. Когда-то она казалась бесконечной, незабываемой, вечной... Но у всего есть конец, только он – для чего-то начало, и закат Полночи – это рассвет новой эпохи... Время первого луча истекло поразительно быстро, и он скрылся за чёрными тучами. Я разочарованно вздохнул, зябко поведя плечами. Жаль. Да, постепенно Полдень начнет удлиняться, забирая у мира магию ночи, но успею ли насмотреться на него я? Ведь детям Полночи свет принесет слепоту.

Зашуршали сухие заросли травы. Сбитые с толку обитатели Мглистого болота разбредались кто куда, ныряя в трясину, прыгая с кочки на кочку. Я покосился на стайку голубоватых огоньков, обсуждающих необычное явление. Поймав мой взгляд, они вздрогнули и кинулись врассыпную. И, пробудившись, снова взвыл влажный ветер. Постояв на низком крыльце, я вернулся в дом, плотно затворив дверь. Сидевшая на спинке стула мышь многозначительно пискнула.

– Знаю, – я присел перед потухшим очагом, и с моих пальцев посыпались горячие искры, – проверил. Мои ловушки стёрты светом. Как и, надеюсь, следы остальных заклятий. Особенно следы перемещения.

Мёртвые угли, согревшись, замерцали красным. Я придвинулся ближе, протянув к огню руки. По стене закружились в неспешном танце сумрачные тени. Как обычно, их пришло трое. Тень прошлого – чёрная, четко очерченная, лицом ко мне, сияющая голубизной ясных глаз, с длинными распущенными волосами. Тень настоящего – расплывчатая,

с косой в семи узлах, сизо-серая, искоса поглядывающая на меня одним синим глазом. Тень будущего – блеклая, серая, невнятная, отвернувшаяся, изредка мерцающая сиренью. Я долго наблюдал за ними, набираясь смелости. Тревожить те-ни часто нельзя, но как не поговорить с ними теперь, на пороге новой жизни?..

– Скажите, – я решительно протянул руки к спутникам Времени, – чего мне ждать, чего бояться, на что надеяться?

Тени продолжали круг танца, словно не слыша моего вопроса. Я вздохнул, собрался, сосредоточился.

– Отзовитесь, Полночью прошу и Временем, своей стихией, заклинаю...

Помедлив, тень прошлого свилась в тугую спираль, упав на мои протянутые ладони узловатой нитью, тень настоящего растеклась по пальцам тягуче-черной паутиной, а тень будущего сверкнула фиолетовой звездой. Я озадаченно нахмурился и переглянулся с мышью. Она принялась и пискнула.

– Распознавание знаков мне никогда не давалось, – я собрал в ладонь символы. – У мамы бы спросить, она – мастер... Знаю только, что тень прошлого говорит о том, чего бояться, тень настоящего – на что надеяться, а тень будущего – чего в конце ждать.

И озадаченно рассмотрел нить. Напоминает косу высшего с характерными узлами точек силы. Или дорогу. Или... что-нибудь ещё. Про паутину промолчу. Надеяться на пау-

тину? Но такова неясная и размытая суть настоящего. Фиолетовая звезда тоже мало о чем говорит. Хотя, в отличие от остальных, поддается опознанию. Фиолетовый – цвет будущего, звезда – символ недостижимого. Закономерный итог исканий. Только зря тени потревожил... Впрочем, глупо жалеть о сделанном.

Я убрал символы в карман принесенной сестрой сумки. И туда же уложил свои немногочисленные пожитки, распахав между одеждой стопки заметок о... О разном. Я с детства видел странные сны – о прошлом собственного мира, о реальности других миров. И все записывал. Наставник Астор из-за этого считал меня *другим*, говорил о некой *иной* силе. А я не обращал внимания. Развлечение. Ничего особенного. Но оставить дома заметки почему-то не смог.

Вооружившись летописью, я сел на подоконник дочитывать. Мышь, недовольно фыркнув, выудила из-под клапана сумки краюху хлеба и прицельно сбросила добытое на мою макушку.

– Эй, – я перехватил хлеб, – шалишь?

Мышь разразилась буйной писклявой речью, вернее – бранью, отчитывая меня за непутёвость и безалаберность. Я зажал уши, едва не выронив хлеб. Мышь повысила голос. Я соскочил с подоконника, ринувшись греть чай. И прибить её – не прибьешь, существа Полуночи священны, и не слушаешься – оглохнешь... Чай в глиняной кружке быстро нагрелся от заклятья, и я вернулся обратно. Так, за летопи-

сю и перекусом я добрался до сути вступительного обряда и описания испытания, когда...

За моей спиной взвились вихри теней. Я быстро спрятал свиток в карман, а мышь метнулась к потолку и затаилась в углу. Что ж, если это опять мое семейство... Я стремительно обернулся и замер, сжав в кулаке недоработанное заклятье. Напротив меня темнела таинственная фигура, закутанная в плащ. Ни рук не разглядеть, ни лица... И я очень сомневаюсь, что у нежданного гостя оно было. И не тень, и не человек. Неужели?..

Сердце, пропустив удар, заколотилось с удвоенной силой, кровь бешено застучала в висках. Десять теней великих магов прошлого – тех, кто сумел обуздать и подчинить силу ночи, тех, кто открыл суть точек силы, – ныне стражи знаний и хранители силы Полночи. Связанные с магией Полночи, они выгорят при свете дня, и для существования им необходим человек. Высший маг. И всего десятерым повежёт. Десять теней – десять человек. И прошедший испытание получит свою тень, а вместе с ней – и доступ к знаниям прошлого. К новой силе. И сейчас явилась тень моего Времени. И моей будущей силы. А я обязательно докажу свою значимость. Костью лягу.

Цепкий взор из-под капюшона пробирал до мозга костей. По моей спине пробежала холодная дрожь. Я с отстранённым удивлением посмотрел на свои трясущиеся руки, комкающие и распыляющее заклятье. Интересно, а он знает о

«бегающей» лето... Тихо. Я едва успел прогнать ненужные мысли. Из-под капюшона сверкнули острые углы глаз, и в голове взорвалась горячая боль. Зажмурившись, я сжал виски и, пошатнувшись, упал на колени.

– Кто ты? – глухой, безучастный голос.

– Я... – и не узнал свой голос, прозвучавший неестественно хрипло. – Я...

Имя смог произнести лишь мысленно.

– Неверно.

Вихрь теней свивался тугим коконом, сбивая дыхание, заставляя тянуться за вожаемым воздухом. И через три удара сердца в моей гордой душе осталось лишь одно желание – дышать, жить, дыша... Кто я без жизни?.. Никто.

– Верно.

Кокон сжался сильнее. А внутренний голос довольно хмыкнул и шепнул – испытание. То самое. Неожиданное. Которое так необходимо пройти. Которое предваряет новый путь всей моей жизни.

Которое...

Глава 5

*Всё по правилам: свет погашен давно,
Но придёт кто-то непрошенный...*

«Смысловые Галлюцинации»

Я лежала на кровати, глазела в потолок и уныло подводила итоги собственной ненормальной жизни. Итоги весьма неутешительные.

Во-первых, птеродактиль никуда не делся. Проснувшись, я первым делом сбегала в ванную и проверила. Висел, гад, на потолке и спал. Я уныло потарасилась на него с минуту и вернулась в постель. А что делать? Палеонтологов вызовешь... так они перед приездом в психушку позвонят.

Во-вторых, сны в руку снились, а книга сама собой писалась. Это я тоже проверила, едва вернувшись в постель. Плюс ещё тридцать страниц к пятидесяти «прошлоночным» и десяти честно выстраданных мною до того, как. И все по фэншую – что я видела во сне, то и появлялось в файле. Я пробежалась взглядом по тексту и погрустнела. Очень стало себя жалко. Стилистика – моя, манера речи и построение предложений – мои, слова-паразиты, все десять штук, – тоже мои. Ничего чужого. Кроме сюжета. Мне бы мозгов не хватило так его закрутить. И плюсы вроде бы есть, но минус –

жирный и страшный – перечеркивает их напрочь.

Да, а в-третьих, я опять ничего не помнила. Последнее воспоминание – это слова Серафимы Ильиничны, и я, сидящая на полу, дрожащая от страха и обнимающая Баюна. И всё. Проснулась я опять в пижаме и в постели. И то ли мистика, то ли шиза... И то ли наслаждаться моментом, то ли срочно бежать к мозгоправу – тот ещё вопрос. Лично для меня – нерешаемый.

Повозившись в постели и поворочавшись с боку на бок еще с полчаса, я неохотно выползла из-под одеяла. Организм – штука своенравная: мир рушится, ум за разум заходит, а он всё равно требует завтрака. А завтракать-то нечем. Я включила чайник и вдумчиво изучила пустой холодильник. Ни сдохшей мышки, ни даже скелетика... Баюн привычно возил по полу чашку, требуя завтрака. Кстати, и корм кончается. Да, повод. Себя я могу морить голодом и отвратительным питанием сколько угодно, но зверь – это святое.

Я высыпала в кошачью чашку остатки корма, напилась чая, уныло посмотрела на морозные узоры, скрывающие термометр, и собралась в магазин. Пробежать – три дома, заодно и согреюсь... Нашла на полу оброненные вечером ключи, открыла дверь и с опаской выглянула на площадку. Не верю я «предсказаниям» соседки ни разу, но напугала она меня знатно. Вспоминаю ее лицо в серо-голубой подсветке, вытравленные глаза – и внутри все мелко вздрагивает и съезжается. Тьфу... Но раз вчера был такой ужасный день, то се-

годня по-любому должно повезти. Надо только верить.

Закрыв дверь и сбежав по лестнице вниз, я перевела дух и устремилась в магазин. Тридцати нет, но лучше бы было больше... Сухие минус сорок переносятся легче, чем сырые и ветряные минус двадцать. Я натянула шарф на лицо и спрятала руки в карманах. Ветер пробирал до костей и сгонял над городом низкие снежные тучи.

Хочу лета... Год хочу, второй хочу, а синоптики все обещают, а лета уже третий год нету, а обещанного как раз три года ждут... Сибирь – вообще уникальный край. Зимой плюс восемь – жара, летом плюс восемь – колотун, но зимой мы ходим в пуховиках, а летом раздеваемся до шортов и сарафанов. И при одинаковых показателях термометра зимой мы ориентируемся на него, а летом – на календарь. Условия для жизнедеятельности странные, зато всегда есть, о чем поговорить, да.

Дойдя по тропинке до дороги, я внимательно посмотрела по сторонам и ускорила шаг. Местные гонщики обожали пугать пешеходов – резким разгоном перед «зеброй» и стремительным тормозом в сантиметре от дрожащих коленей. А я по утрам любила наблюдать, как автохамы проходят увлекательнейший квест «Не опоздай на работу».

Первый этап квеста – найди с помощью «сигналки» в сплошном сугробе свою машину. Усложнение – рядом ещё парочка конкурентов, сигнализации орут одинаково, и припаркованы машины по соседству. Второй этап – откопай ма-

шину. Этот ладно, согреться помогает. А третий этап – заведись. Прилагается звонок другу или в автосервис, а также ледяной городской транспорт. При выборе второго варианта не забудь сбегать домой и утеплиться, не то на работу придет сосулька. И – да! – не опоздай на работу. Лично мне эта народная сибирская забава всегда нравилась. Да, я злобное и завистливое существо.

В магазине я быстро набрала полную корзину продуктов. Пельмени, блины, сыр и молоко – штатный набор занятого человека. И пару зажигалок со свечками – на всякий случай. Смущают меня эти постоянные отключения электричества... И в задумчивости остановилась у полок с алкоголем. Что-то Муза не видать с утра, а я бы поработала над книгой... А на запах алкоголя он точно прилетит.

Я насупилась. Да, поработала бы, если бы не одно «бы». Ко мне только герой пришёл. Ни его историю, ни сюжетные ходы я, заработавшись, придумать не успела. И герой меня ждать не стал. Напялил плащ, перекинул косу через плечо и ринулся вершить свои геройские дела. Это не моя история. Не моя. Я её не чувствую. Она чужая, и я понятия не имею, с какого бока теперь к ней подходить. Может, ну его, Муза вместе с героем?..

Решительно отвернувшись от коньяка, я расплатилась на кассе с продавщицей, распихала продукты по пакетам и мельком глянула на время. Двенадцать. Звезда в шоке... Я вышла из магазина, загруженная не только продуктами. По-

лучается, я проспала часов десять. А для меня на успокоительных проспать часов шесть-семь – немыслимое везение. Не говоря уж о том, что без будильника раньше часа дня я не проснусь, я «сова». И всё равно чувствовала себя разбитой. Словно это я, а не герой, гонялась всю ночь по испытательной башне, отбиваясь от чудищ. Будь оно всё неладно... Но с книгой надо что-то делать. В конце концов, герой-то мой.

Кроме книги беспокоил второй вопрос. Я топала меж сугробов по тропинке, дрожа под порывами колючего ветра. Очень хотелось помыться. Но при глюке – стрёмно. Мало ли, а вдруг не глюк, вдруг проснется от шума воды?... И даже если глюк... всё равно стрёмно. Хотя, если рассуждать логически, то птеродактиль – это плод больного воображения, и я могу им управлять. И могу переместить его силой разума, скажем, на кухню. На полчаса хотя бы, мне хватит. Правда, и с силой, и с качеством разума имелись определённые проблемы... но я блондинка и творческая личность, мне простительно. Значит... в гости?

Домофон, как обычно «отмёрз», и дверь подъезда я открыла без ключей. Взобралась на свой этаж почти бегом, согреваясь, и нос к носу столкнулась с дядей Борей.

– Добрый день, Василиса, – улыбнулся он. – А ты чего не на работе?

– Да ну их, надоели, – я улыбнулась в ответ и поставила пакеты на пол. Внимание, Вася, наглость – наше всё! – Дядь Борь, а можно сегодня у вас помыться?

Сосед никогда ничему не удивлялся, особенно касаясь меня.

– Что, опять слив забился?

– Не, лампочка в ванной перегорела и смеситель барахлит, – наврала я честно. – А папа только на выходных придет посмотреть. Можно?..

– Держи, – он протянул ключи. – Заодно и за квартирой приглядишь. Меня дня три не будет, купайся на здоровье.

Лицо у него хмурое, небритое, уставшее...

– С мамой что-то?..

Дядя Боря опустил глаза на секунду, надвинул на лоб шапку и снова бодро улыбнулся:

– Не бери в голову. Всё нормально. Цветы польёшь, если дольше задержусь?

Я кивнула.

– Ну, бывай, Василиса. Ключи Николаю – этой мой сосед снизу – потом оставишь. Я к нему зайду, как вернусь.

Закуривая на ходу, он сбежал по ступенькам вниз, а я нахмурилась. Сосед как-то обмолвился, что у него мать очень больна, и раз-два в месяц он ездил к ней в стационар. Ладно, все под Богом ходим, но хорошо бы, чтобы сейчас у него всё было хорошо...

Дома я разложила покупки по полкам холодильника, поела и заглянула в ванную. Глюк никуда не делся, чтоб его за хвост, только место дислокации сменил. Сполз с потолка и обосновался на стене, у полотенцесушителя. И странно

так обосновался... Я поморгала на кожистое крыло, проходящее *сквозь* трубу батареи и полотенце, быстро сгребла с полка мыльно-рыльное и молча вышла. Кажется, зверюга – призрак. Чудно. Значит, не так опасен. Мама, что я несу... И шикнула на себя. Полотенце я несу. Полотенце, халат и прочие шампуни. Поводов сходить с ума нет. Точка, Вася. Доработать два дня и свалить в отпуск, от хаты подальше. Мозг перезагрузится – полегчает.

Быстро поев и насыпав коту ещё корма, я прихватила купальные принадлежности и отправилась мыться. Дурацкая ситуация, конечно... Зайдя в соседову квартиру, я огляделась и хмыкнула. Дядя Боря был моим собратом по несчастью, то есть филологом и редактором. И вроде что-то писал, но показывать стеснялся. Но если я, зная о мамином пристрастии неожиданно навещать в гости, поддерживала относительный порядок, то здесь... Творческий бардак во всём его великолепии. Горы книг и кучи бумаг. Надо, кстати, почитать что-нибудь взять – отвлечься от нервной обстановки.

Помыв ванну и оставив включенной воду, я зашла в гостиную. На полу – стопок десять книг под потолок. Или стремянку искать, или нижнюю вытаскивать... Я одёрнула себя. Самой же потом убирать всё... А стенные шкафы, кстати, пустые. Все книги – в комнате, словно сосед что-то в них искал. Странно. Но да ладно. Не моё дело.

Выкопав из стопки на столе небольшой сборник фанта-

стических рассказов, я пролистала несколько страниц. «Новое имя в фантастике!» – гласил стикер на обложке, некто Виктор Сергеев. Ну-ну, «новое»... Рассказы новичков нынче не печатают – в тренде романы. Наверняка за скромным псевдонимом таится маститый мэтр, которому ранние рассказы под реальным именем печатать стыдно, а денег надо. А раз маститый, то и под псевдонимом напечатают и продвинут. Но пишет вроде неплохо. Для получаса в ванной сойдёт.

В сибирских условиях есть только одно место, где можно согреться, – это ванна с горячей водой. Нырнув в воду по кончик носа, я несколько минут блаженствовала, расслабившись. И только здесь понимаешь, как дико успел промерзнуть, хотя вся зима ещё впереди... И есть только одно занятие, за которым можно надолго забыть о житейских неурядицах, – это чтение хорошей книги. Да, на правах рекламы.

Рассказы оказались неплохими и злободневными. В каждом главный герой – сумасшедший писатель придумывал фантастическую историю, возможности её действующих лиц, а потом с помощью волшебных листа и пера открывал портал и перетаскивал всех персонажей в свой мир. Для опытов, ибо по первой специальности был биологом. Инновационная лаборатория в спальне, тщательно замаскированная под тумбочку и торшер, прилагалась. Сумасшедший, что с него взять... И, как и все ненормальные, плохо кончил. Натаскал зверья столько, что оно вышло из-под контроля, и писателю пришлось открывать новый портал, чтобы спро-

вадить пришельцев в первый попавшийся мир. Портал открылся в виде окна, писатель взобрался на подоконник, чтобы увидеть новый мир, и благополучно выпал с десятого этажа. А то ли окна перепутал, то ли спятил – автор скромно умолчал.

Несмотря на бредовость идеи, сборник понравился. Пока я его дочитывала, вода успела остыть. Отложив книжку, я помылась, обмотала голову полотенцем, завернулась в халат и отправилась на поиски второй книги. Кажется, в книжной стопке был ещё один подобный сборник... В чужие романы нырять не время – со своим бы разобраться. А если у меня под рукой оказываются хорошие книги, собственные ненадолго уходят на второй план. Читать чужое гораздо приятнее, чем, пыхтя и сопя, вымучивать своё.

Прихватив пару книг, я вернулась в ванную, собрала вещи и намазала лицо чёрной косметической глиной. Глядишь, повезет Серафиме Ильиничне отомстить... Но соседки, к сожалению, на площадке не наблюдалось. И, едва я закрыла входную дверь на ключ, в подъезде, мигнув, опять погас свет. Вот паразиты, Новый год, что ли, уже отмечают?.. Гневно сопя, я провозилась в темноте минут десять, пока случайно не попала ключом в замочную скважину. Всё, завтра позвоню в ЖЭК и устрою скандал. Надоело.

Бабушкин канделябр по-прежнему стоял на кухонном столе. Оставив книжки и шампуни на комод в коридоре, я запалила две оставшиеся свечи, доставила в чаши новые и

подожгла по очереди шесть фитилей. По стенам кухни поползли жутковатые тени. Баюн, запрыгнув на стул, тихо заурчал.

— Да, очень не вовремя... — пожаловалась коту. — Чаю хочется...

Баюн склонил голову набок, повёл ушами и фыркнул. Потом запрыгнул на стол и улегся, обвив хвостом подставку канделябра.

— А ну, брысь! Стол — для еды!

Кот, ошестинившись, зашипел.

— Чего? — удивилась я.

Никогда прежде он *так* не шипел. Не шипел, не царапался и никогда не кусался. Мы жили очень мирно, пока... Белое пламя свечей вдруг стало ярко-красным, Баюн снова зашипел и, вскочив, резко прыгнул на меня. Я невольно отступила, едва успев поймать кота, и замерла. Восемь тонких огненных струй взметнулись к потолку, сплетаясь в клубок. Я крепко прижала Баюна к груди. Мама, там же шторы... И то ли в «пожарку» звонить, то ли куда...

Огненный клубок заискрил, вытягиваясь и свиваясь лентой. И, вопреки законам физики, логики и жанра, метнулся к полу. Кот ловко вывернулся из моих ослабевших рук, спрыгнул на пол и вновь грозно на меня зашипел. Я снова попятилась. В мерцании вьющейся ленты огня он показался... больше, а жёлтые глаза сверкнули алым. Я судорожно сглотнула. Делать что-то надо, но что?.. И вовремя птеродак-

тиль вспомнился. И стало легче. Я же с ума схожу, так что всё пучком... Это просто очередной глюк. Игры разума, и не более того. Спокойно, Вася, без паники... Без паники, я сказала!

Немного успокоившись, я присмотрелась к порождению своей больной фантазии. Подумаешь, Баюн видит мои глюки... Муза же ему удаётся гонять, и весьма успешно. Кот встал на задние лапы, вытянувшись, поймал огненную ленту и притянул её к полу. Я хмыкнула. Надо же, и без накурки... Может, грибы в магазинных блинах были... странными?.. Лента свилась в человеческую фигуру. В воздухе взорвался рыжий фейерверк, и свечи разом потухли.

Баюн приветственно заурчал и ткнулся носом в бок сидящей на полу фигуры. Та шевельнулась, потёрла ладонями лицо и притушила сияние. И встала, потягиваясь и стряхивая на пол искры. А я села. Чёрт. Хороший глюк. Душевный. Красивый. Светится изнутри бледно-жёлтым, искры при каждом движении рассыпает. Но главное – для хаты безвредный. М-мать...

– Добрый вечер! – поздоровался он неожиданно.

Я истерично хмыкнула и подняла взгляд. Голос – мужской, всё остальное... тоже. Хоть бы оделся. Или на моей шизе так отсутствие личной жизни сказывается?.. Глюк устался на меня и захохотал. Баюн переводил взгляд с незваного гостя на меня и урчал, довольно щурясь.

– Это... что у тебя на лице?.. – выдавил глюк сквозь смех.

Я глупо хихикнула и пояснила:

– Глина, – и добавила очевидное: – чёрная.

Он снова рассмеялся. А я невольно посмотрела на себя со стороны и содрогнулась. Сижу враскоряку, на физиономии – высохшая глина, полотенце съехало набок... Несолидно. Я завозила, распутывая полы длинного халата.

– Давай помогу, – глюк протянул руку. В чёрных, как угли, глазах дрожал смех.

– Не надо, – отказалась вежливо и бодро добавила: – Да и чем поможешь-то? Тебя же нет!

– Как нет? – опешил он. – Почему это?

– Потому что ты мне кажешься, – пояснила я, вставая и одергивая халат. – Ты – моя галлюцинация. На самом деле тебя не существует, – и добавила глубокомысленно: – Не буду больше в магазинах блины с грибами покупать, странные они...

И на автомате щелкнула выключателем. Свет загорелся. Чудно. Пойду умоюсь и проведу свой первый глюк. Второй за мной не пошёл. Присел на пол рядом с Баюном и, задумчиво нахмурившись, почесал кота за ухом. Тот предсказуемо заурчал. Я умилилась. Какая прелесть... Недавняя истерика всколыхнулась, забила крыльями. Склонившись над раковиной, я кое-как смыла с лица глину. В затылке пульсировала глухая боль, и нервно тряслись руки. Дожила... или дописалась?..

Ледяная вода не помогла. Я сняла полотенце, кое-как за-

плела влажные волосы в косу и посмотрела на себя в зеркало. И сухо прошептала:

– Я не рехнулась... Не рехнулась! И вернусь на кухню, а там никого нет... Никого, я сказала!..

– Конечно, там никого нет. Я же здесь, – объявил глюк жизнерадостно. Тощая мерцающая фигура замаячила в зеркале.

ТЬфу... Я обернулась и недружелюбно насупилась:

– Ты вообще кто такой, а?

– Саламандр, – приосанился глюк.

Я растерянно моргнула:

– Да? Так они же все ящерицы и женского пола...

– А я – мужского, – глюк, кажется, обиделся.

– Это я вижу...

– И долго любоваться будешь? Что, в вашем отсталом мире все ящерицы – женского пола?

– Нет, есть ящеры... Динозавры которые. Вот, на стенке один такой висит... А ещё ящур есть, но это зараза... – я сообразила, что несу чушь, и заткнулась.

Боже, помоги... Я таки права, я спятила...

Птеродактиль, кстати, и крылом не повел. Спал, словно нас и не было, обнимаясь с полотенцесушителем. И меня осенило. Может, этот пришелец не глюк, а призрак? После «Битвы экстрасенсов» в призраков верить спокойнее, чем в уехавшую крышу...

– Удивительно... – саламандр задумчиво прищурился. –

Неужели в выдуманное верить легче, чем в реальное? Ты пишешь волшебные истории и не веришь в существование других миров? В существование других рас из параллельных измерений?

– Нет, конечно! – истерика вновь забила крыльями, и меня затрясло. – Я фантаст, а не псих! И никакой ты не... не параллельный! Ты просто мой глюк!

– Скажи-ка, а глюки бывают болезненными?

– Н-нет...

– Дай руку, – он требовательно протянул свою ладонь. – Руку, Васюта!

– Откуда ты?..

– Оттуда! Руку!

Я несмело прикоснулась к его ладони. И, зашипев, отдернула руку. Пальцы горели огнём. Жжётся, сволочь...

– У тебя два пути, – незванный гость смотрел на меня и насмешливо, и серьёзно. – Первый: отрицать очевидное и спать. Второй: принять новую реальность как данность и научиться с ней работать. И жить в ней. Всё просто, Васюта.

– Иди нафиг!.. – не сдержалась я.

– У тебя валерьянка есть? – сочувственно отозвался глюк. – Или что покрепче?

Услышав заветное слово, рядом материализовался Муз. Посмотрел на дрожащую меня, на саламандра, на Баюна и ослабил:

– А за знакомство?

И на этом животрепещущем моменте моё сознание самопроизвольно отключилось. А я даже не поняла, что падаю. И не поняла, куда лечу. Но приземлилась на свою постель. Со стоном перевернулась на живот и приподнялась на локтях. Темнота на мгновение стала глубже и начала рассеиваться, пропуская свет торшера и приобретая очертания...

– Исчезни, а?..

Глюк сидел у подушки и держал в руках стакан. По комнате плыл густой запах валерьянки, смущая Баюна. Мой умный котик (а котик ли?..), урча, катался по ковру, дёргая хвостом. Муз, болтая ножками, сидел на спинке кровати и из горла пил коньяк. Я тихо хлюпнула носом – опять стало себя жалко. Вот за что мне всё это, а?..

– Выпей, Васют, – лицемерно засюсюкал саламандр, – нервишки успокоишь, полегче станет...

– Отвали! – огрызнулась я, но села и стакан взяла.

– Зачем же грубить? – укоризненно качнул головой глюк.

– Да что ты говоришь? – фыркнула я, принюхиваясь. – А сам как себя ведёшь? Вломился в мою квартиру без спроса и без приглашения, шляешься голышом, морали читаешь... Хоть бы оделся! И даже не представился!

– Сайел, – улыбнулся пришелец и потёк искрами. Последние свились в мерцающие красные шаровары.

Я посмотрела на него скептически и залпом выпила валерьянку. Зажмурилась, помедитировала, в красках представляя, как незваный гость вспыхивает костром и осыпается

пеплом, навсегда исчезая из моей жизни, и открыла глаза. Глюк по-прежнему сидел на краю кровати и заинтересованно изучал распахнувшийся вырез моего халата. Я вернула ему стакан и нервно стянула ворот.

Саламандр разочарованно вздохнул и посмотрел на Муза.

– Ты прав, надо было ей коньяка налить.

Муз пожал плечами:

– Ещё не вечер.

– А с валерьянкой можно? – усомнился пришелец.

– Ей всё можно, – загадочно ответил Муз и трепыхнул крылышками, – и всё на пользу.

Угу, расширение сознания и обострение связи с космосом... Я встала с постели, взяла пижаму и гордо уползла в туалет. Ударная доза валерьянки сделала своё дело – подступающая истерика сменялась вялым пофигизмом. Всё лесом, полем и в сад... Утро вечера мудренее.

– Ты уйдёшь или нет? – вернувшись, угрюмо спросила у саламандра.

Тот отвлекся от разговора с Музом и кивнул:

– Уйду. В спячку. Только зажги огонь.

– А почему не насовсем? – я снова занервничала. Он ведь не думает у меня окопаться?..

– Как получится, – пожал мерцающими плечами глюк. – Я перемещаюсь через пламя, зажжённые свечи – это мои тропы и порталы. А в вашем мире слишком редко загорается пламя.

– Стоп, – я посмотрел на него в упор. Меня затерзали смутные сомнения. – Так отключение электричества в моём доме – это твоих рук дело?

– Ты о чём? – округлил честные глаза пришелец.

– Конечно, его, – скрипуче поддакнул Муз. Что-то он подозрительно разговорчивым стал в последнее время... – Он давно сюда рвался, но силы пламени не хватало, свеч мало жгла. Что? – и хмыкнул, встретив укоризненный взгляд саламандра. – Я всегда на её стороне буду. И в твоих интересах рассказать, зачем пришёл. Не то я расскажу, – и залпом допил коньяк, тихо икнув.

Я почувствовала себя невероятно уставшей. И расспросить бы, но... не к месту эта встреча. Не к месту и не ко времени. Муз – Музом, он родной, а вот саламандры мне здесь не нужны. Птеродактилей выше крыши хватает. И книги. И вообще... Я посмотрела на часы и удивилась. Шесть вечера? А по ощущениям – все двенадцать... Значит, до полуночи ещё есть время, чтобы успокоиться и собраться с мыслями. Ибо глюк прав: либо я принимаю новую реальность, либо обзавожусь известным диагнозом. И, пожалуй, прежде чем расспрашивать, надобно свыкнуться. Как с птеродактилем. Привыкла – и перестала бояться. Почти. И к ночному гостю привыкну. И расспрошу. Но лучше бы он убрался...

На кухне я нашла зажигалку и запалила все восемь свечей. Саламандр довольно сощурился на пламя, приняхался, улыбнулся и с порога рванул к канделябру. Вновь пре-

вратился в искрящуюся ленту пламени и свернулся клубком над огнём. Шесть боковых свечей резко погасли, а над двумя «серединными» распустился огненный цветок. И последнее, что я услышала:

– Не гаси пламя. Я безвреден.

Ну-ну... Я невольно посмотрела на обожжённую ладонь и вздрогнула. Ни волдырей, ни красноты... И снова посмотрела на пламя. И заставила себя отнестись к увиденному философски. Если я не могу на происходящее влиять – это не повод сходить с ума. Шторы не загорелись, и меня он не обжёг. Значит, и дом не спалит. Логика блондинки, да, но мне в это верится. Так что улыбаемся, Вася, и машем. И пашем. Отдых для моего мозга вреден – слишком многое замечаю и слишком много об увиденном думаю. Пора работать.

Поколебавшись, я разогрела магазинные блины. Грибы, конечно, – это всегда подозрительно, но явно не в них дело. Заварив душицу с мятой и приняв вторую дозу валерьянки, я поужинала, распустила и расчесала влажные волосы, пошарахалась по квартире, недовольно сопя на Муза, но сдалась. Но, прежде чем сесть за книгу, мужественно преодолела первый страх. Зашла в ванную, нерешительно посмотрела на птеродактиля, собралась с духом и протянула к нему руку.

Удивительно, но он – бесплотный для предметов, для меня осязаем... Тёплое крыло дрогнуло от моего прикосновения. Птеродактиль приоткрыл алый глаз, сонно потянулся, фыркнул и вновь вырубился. Я осторожно погладила кожи-

стое крыло. Зачем же ты здесь, чудо красное, откуда взялся?.. Он, естественно, не ответил, только курлыкнул по-птичьи и засопел громче. Я вздохнула и отправилась сходить с ума в книжку. Надо проверить, что родило моё воспалённое воображение, пока я «спала».

На кухне по-прежнему горел огненный цветок, да так ярко, что хоть свет не включай. И неожиданно вспомнились слова Серафимы Ильиничны.

«Сила в тебе есть», – заметила она.

Сила... Поставив на стол кружку с отваром и включив нут, я фыркнула. Как бы проверить-то, сила это или шизофрения?.. Единственный вариант – рассказать. Сестре, Валику... А больше некому. Что ж. Валик завтра наверняка потребует объяснений. Значит, надо сформулировать проблему. И заманить домой, чтобы сам посмотрел. Правда, он, как и все, не переносит мою квартиру... Но я ж фантаст, придумаю что-нибудь.

Собравшись с духом, я открыла файл с текстом и села читать. После десятой страницы, там, где кончался «мой» текст, взялась за блокнот и ручку. Так, что у нас тут... Батюшки, вот настрочила... Я пробежалась взглядом по тексту, отмечая в блокноте стержневые моменты сюжета: так, вот мой безымянный герой ушел с болота на поиски испытательной башни, вот он пробился сквозь заслон стражей, вот готовится к первому шагу инициации – к получению нового имени вместо старого, а всего шагов почему-то десять...

Я задумчиво погрызла ручку и нашла в старых набросках схему. Впрочем, не «почему-то». Десять точек силы до сущности высшего и, соответственно, десять шагов по точкам: жизнь, тело, время, пространство, сила, знания, память, мудрость, душа, смерть. На каждый шаг – испытание, выдержишь – наградой буква имени, татушка знака и, собственно, сила пройденной точки. Соберёшь все десять – получишь тень. Обычно у высших на её создание уходило полжизни, но можно пройти испытание и получить всё разом и за десять дней. Правда, это риск, и каждое испытание могло стать последним... Зато появлялась тень – сущность-телохранитель, с магией и бездной силы. Эх, мне б такую... Одно «но» – сбрасывать в тень нечего, магической силы нема. А тень создается из того, чем владеешь.

Муз, учуяв мой настрой, возник на мониторе. Сел, свесив ножки, чпокнул пробкой и протянул мне бутылку. Завоняло дешёвым пивом.

– Отстань, – огрызнулась недружелюбно, – не буду я с тобой пить! И так... одни глюки кругом!

Он хихикнул и глотнул пива. Повёл крылышками, и у меня привычно зачесались руки. Я нервно огляделась. Где мой пушистый спаситель?.. Баюн, утомлённый хотением валерьянки, спал в кресле, свесив подрагивающий хвост.

– Не отвлекай! – и сдвинула Муза на уголок. – Мне сначала разобраться надо, что тут без меня понаписали...

– А смысл? – снисходительно просипел Муз и икнул. –

Это не твоя история. Сама же поняла.

Я потёрла ладонями виски. Голова таки разболелась. Может, ну его, разбор этот?.. Я пролистала текст. Ну-с, ждем полуночи, пока оно само напишется, или поучаствуем?.. Муз насмешливо фыркнул. Я нахмурилась. Нет, никакого больше лунатизма! Я сама хочу писать книгу! И... Точно. Я встрепенулась. Неужто я лунатик? Говорят, они шарахаются ночью по квартире, а на утро ничего не помнят. Надо погуглить в Яндексe. Но если я – лунатик, то это многое объясняет. Правда, они с луной связаны как-то, а я... А я – полуночник. Полуночица. Но – уточню, и одним глюком будет меньше...

Одно логическое объяснение происходящему нашлось, и я немного успокоилась. Лунатизм – это, конечно, не айс, но люди с ним живут, и я научусь жить. А чтобы сегодня его предотвратить – чтобы нашлось время подумать над текстом и поучаствовать в написании сознательно... Где-то у меня валялось убойное снотворное. Отключает мозг от питания, то бишь от информационного потока, только так. У меня всегда были проблемы с засыпанием: когда появлялся крылатый паршивец, разум бесконечным потоком наполняли слова и образы. А против лома нет приёма, кроме другого лома.

– Не советую, – предостерег Муз.

– А я твоего совета и не спрашиваю, – я встала и пошла на кухню.

Снотворное нашлось быстро. Прочитав инструкцию, я по-

смотрела на часы. Завтра на работу к двенадцати, а проспять надо часов десять, иначе по будильнику-то встанешь, а вот проснёшься где получится. Сейчас десять вечера. Вагон времени.

Я уныло посмотрела на огненный цветок. Свечи под ним не расплавились ни на миллиметр. И ни одного воскового подтека, никакого парафинового запаха. Только вытянувшиеся струнками фитили и ровное жёлто-белое пламя. Пожалуй, рискну не тушить...

Выпив чаю и приняв снотворное, я переоделась в пижаму, расчесалась, скинула файл с текстом на флешку и отправилась в постель. Завернувшись в одеяло, уткнулась носом в подушку и закрыла глаза. Всё, спать! И пусть Муз кружит у подушки хоть до скончания времён. Книга – это всего лишь книга. Фантазия и выдумка, не имеющая никакого отношения к реальности. В которой, как ни странно, хочется и есть, и пить, и жить... А значит, сначала работа, а фантазии – потом, ежели время найдётся.

В общем... Посмотрим, кто кого.

Глава 6

*Ой-ё-ё-о-о-о, ой-ё-о-о-о,
Ой-ё...*

«Чайф»

Утро началось предсказуемо – с будильника. Я, морщась, поворочалась с боку на бок, чувствуя себя ужасно разбитой. Эта зараза, мой герой которая, всю ночь не давала спать. Он снова решил мне присниться, причем в красках и деталях. Сначала он от кого-то прятался в стенах, потом дрался, потом опять прятался, потом снова морды бил. А я стояла за его спиной, наблюдала и переживала. Испытание непростое, риск для жизни велик, и он – один, а супостатов страшных – много. Я даже на манер хоккейного фаната поорала «Вперёд!», «Давай-давай!» и, бог знает, зачем, «Шайбу!»

Не знаю, помогло это или нет, но он пробился через преграды к инициирочному... тьфу, инициирош... в общем, в тот угол, где инициируют. И получил от безликой фигуры в плаще первую букву своего нового имени, силу жизни и серебристо-чёрные завитушки на левую щёку. Я заплодировала. А он повернулся, увидел меня и *так* улыбнулся, что я испугалась и проснулась. И теперь не могла найти в себе силы встать. А надо. Работа – не волк... Я с трудом сползла

с постели. Работа – это наглая собака на сене, и ни себе, ни людям...

На кухне над канделябром по-прежнему горел огненный цветок. Вьющиеся кольца длинных лепестков свернулись бутонем, из которого доносился тихий храп. Я мрачно покосилась на чудо неведомой магии. Не приснилось. И, кажется... мне не кажется. И саламандр, и чудачества Баюна и Муза – это реальность. И... ладно, крыша, уговорила. Лети – и до нескорого. Иногда нужно позволить себе расслабиться и «поплыть». Чтобы почувствовать воду, окунуться в происходящее с головой. И лучше сейчас. Пока... пока я не верю. Пока надеюсь, что вот-вот проснусь. Пока недоверие помогает перебарывать панику.

В ванной я первым делом поздоровалась с птеродактилем. Последний опять переполз на потолок. И, изображая нетопыря, висел вниз головой, запахнувшись в крылья и цепляясь шипастым хвостом за бельевую веревку. Но на моё приветствие он среагировал – приоткрыл алый глаз, зевнул и засопел. Я хмыкнула, включив воду. Прогресс однако. Или клинический, или... Но прежнего страха уже не было. Зато свербел новый. Кто ещё свалится на мою несчастную голову, сколько мой мозг способен выдержать, прежде чем?..

Вяло почистив зубы и умывшись ледяной водой, я села на край ванны и оглянулась на «нетопыря». Наверно, стоит сказать спасибо Музу. Только благодаря ему я и держусь за ускользающие нити реальности. Он всегда вертелся непо-

далеку, и я привыкла к тому, что в моей жизни есть место необычному, чудесному, нереальному. И пусть это хамоватое и непросыхающее «нереальное» не видел никто, кроме меня и сестры. Я верила – и знала, что он существует. И, наверно, в глубине души всегда ждала появления других необычных существ. Жаль, они опоздали...

Я грустно улыбнулась, заплетая косу. Ещё лет в двадцать я бы визжала от восторга и верила бы в саламандров без разговора. Но – возраст к тридцати, и разум с инстинктом самосохранения перекрывали кислород фантазии. Плюс работа в циничной среде СМИ – и я давно поставила крест на вере в сказки. И если они существуют, то где-то далеко, в другом мире и в другой реальности. Да. В такое верить проще. Потому что эту веру никто не разрушит. Потому что никто никогда не докажет тебе, что их там нет. И не причинит этим боль. В отличие от реалий окружающего мира, которые каждый день разбивали веру в чудеса. Разбивали, ломая и перестраивая сознание, пока не остался только Муз – хрупкая ниточка связи с миром необыкновенного. В который, впрочем, с годами тоже уходила вера.

Да, они опоздали... Я расчесала чёлку и достала из стенового шкафчика «утюги». И уж лучше бы не приходили, ей-богу: от «лучше поздно, чем никогда» – одни проблемы... Включив щипцы, я повернулась к зеркалу и замерла. Твою ж... дивизию! На левой щеке проявлялся росчерк серебристо-чёрной татуировки. Точь-в-точь как у этого, из моего ро-

мана... «Утюги» с грохотом упали на пол. Не может быть... Я перегнулась через раковину к зеркалу и повернула голову. На левом виске темнела точка, из которой расходились серебристо-чёрные молнии. Одна – к брови, вторая – к уголку глаза, третья – к скуле, четвёртая – к уху, пятая – исчезала в волосах.

Я вновь села на край ванной. Глубоко вдохнула и протяжно выдохнула. Сердце билось часто и глухо, в ушах шумело. Так, где валерьянка?.. Очень надо успокоиться... Очень. На работу же. Чёрт, и как я туда такая разрисованная пойду?.. Я истерично хихикнула и невольно ощупала знак. Выпуклый. То ли шрамы, то ли вздувшиеся вены... Нафиг валерьянку. Тональный крем и тонну пудры. А если кто заметит – скажу, что имидж решила сменить. В новый год – в новом образе, ага. Всё. Штукатурюсь – и в реал. Очень нужна прежняя связь с действительностью, очень... А работа – это отличный «якорь», и мои обязанности, и приколы коллег, и болтовня ни о чём всегда отрывали меня от собственной реальности и привязывали к существующей.

Я провозилась полчаса, но результатом осталась недовольна. Всё равно просвечивает, и физиономия – как у клоуна... Уходя из ванной, выключила свет, обернулась на пороге и вздрогнула. Он не только просвечивал. Проклятый знак серебряно светился в темноте. И чернел при свете дня. Я вновь включила свет и смыла всю «штукатурку». И будь что будет. Я – творческая личность, и мне всё можно. И на ра-

боте прекрасно знают, что я слегка... того. Не буду их разочаровывать. Плечи ровно, голову – прямо, я собой горжусь и всем довольна... Глянула в зеркало и скривилась. Омерзительно жалкий и пришибленный вид... Ладно. По дороге порепетирую. Я собой горжусь и всем довольна, я собой горжусь и всем довольна, и у меня всё лучше всех...

Быстро надев джинсы и свитер, я глотнула чаю, утеплилась и вышла из дому. Едва не врезалась в крутившегося у подъезда заиндевевшего парня, рассеянно извинилась и устремилась на работу. И по дороге так усердно медитировала, повторяя свою мантру, что не заметила мороза. И забыла зайти за обедом. Зато заглянула в аптеку и купила успокоительного. Мало ли. Жизнь нынче беспокойная.

Мантра не помогла. Едва я, сняв шапку, зашла в кабинет, как встретила понимающий взгляд Валика.

– Ты как? – спросил он сочувственно.

Я пожалала плечами. А знак вроде не заметил...

– Бессонница или кошмары? – уточнил въедливо.

Знает же, что, когда я пишу, одно другому не мешает. И бессонница отлично дополняется кошмарами, а они сменяются затяжной бессонницей.

– Как обычно, полный набор, – убрав шубу в шкаф, я переобулась в балетки и включила компьютер.

В кабинете кроме Валика никого не было, и в «клоаке» тоже царила тишина. Пятница, да. И газеты в этом году уже не будет. Зачем я вообще на работу пришла?..

– Василиса, привет, – Гриша выглянул из кабинета и поправил очки. – Рекламку глянь. Пару полос в этом году делаем, а то вы опять все больные приползете после каникул.

– Угу, – я привычно полезла в папку.

Надо сразу чем-то себя занять... Поиграть, что ли?

– Вась, ты вообще где?

– Там, – отозвалась я глубокомысленно, быстро разделавшись с рекламой.

Иногда я не понимала, зачем прихожу на работу. Работа в СМИ вообще специфическая. Если журналисты сачкуют и бездельничают, бездельничает и вся выпускающая бригада. Втайне от шефа я поставила на комп игру «Герои магии и меча» и в свободное время увлеченно в неё рубилась, чтобы не скучать без дела и не завидовать Валику.

– А в среду что за выкидон был?

– Так... – я просматривала проигрыватель, выбирая музыку пожестче, – кратковременный приступ зимней депрессии. С девушками под тридцать такое случается.

Валик понимающе кивнул, надел наушники и вперился в экран монитора. Нет, сейчас с расспросами не пристанет – и Гриша неприкаянным призраком по редакции бродит, и мало ли кто залетит на огонёк... А вот вечером, чую, возьмёт за жабры. Если опять удрать не успею. Ну да ладно...

Муз так и не явился – наверно, болел с похмелья. А вновь перечитывать «мною» написанное пока не хотелось. Настроение не то. И я с головой ушла в стратегию. Взяла пятна-

дцатый уровень, захватила все окрестные земли, нарастила армию и, собравшись с духом, пошла бить главного «синего» врага. А Валик сидел злой. Он рубился онлайн в «Морской бой» и постоянно проигрывал. Я глянула на часы. Всего два часа дня, как медленно в безделье ползёт время... «Синий» был с позором повержен. Валик напряженно сопел, рисуя кораблики, и я пошла по примеру Гриши пошарахаться по офису. И у дверей лифта столкнулась с крайне неприятной особой.

Цыпа – она же Люська Цыплакова, журналистка – грезила пробиться в штат, однако шеф справедливо считал, что его команда уже полностью укомплектована. И нет смысла брать в штат человека, который пишет крошечные новости на сайт и последнюю полосу, да изредка, когда наши журналисты загружены рекламой, сочиняет отсебятину о том, чем айфон отличается от смартфона. Хотя, по-моему, ей больше бы подошло писать о том, почему крашеным блондинкам идёт розовый цвет. Нет, это я не из зависти к норковой шубе, дорогушим сапогам на шпильках и цветочному парфюму. Это констатация факта.

Выйдя из лифта, Люська огляделась по-хозяйски, скользнула по мне надменным взором и, хлопая наклеенными (или наращенными?) ресницами, гордо поцокала к редакторскому кабинету. Конечно, даже не поздоровалась. Завидует. Я-то здесь на штатной должности работаю. И, в отличие от неё, натуральная блондинка. Чем горжусь.

– Вась, иди сюда! Цыпа шефа охмуряет!

Дверь кабинета осталась приоткрытой, и мы с Валиком, подкравшись, осторожно заглянули щель.

– Плутовка медленно, на цыпочках, подходит, вертит хвостом, с вороны глаз не сводит... – прокомментировала я шёпотом.

Вертела Цыпа не только «хвостом», но и внушительным бюстом.

– ...и говорит так сладко, чуть дыша...

– Григорий Викторович, вы ещё неделю назад обещали рассмотреть возможность взять меня в штат, – тихо, с придыханием, прошебетала Цыпа.

– ...голубушка, как хороша...

– У вас удивительный коллектив и изумительная рабочая обстановка!.. И как бы мне хотелось...

– ...ну что за шейка, что за глазки...

– ...стать частью вашей жизни, Григорий Викторович!..

Шеф, прижатый бюстом Цыпы к стене, краснел и растерянно внимал. А она пустила в ход тяжелую артиллерию: легким движением плеч сбросила на пол шубку, а там... Наверно, всё-таки юбка, хотя больше похоже на широкий кожаный пояс. И чулки. Чёрные, сеточкой. Шеф уронил челюсть. Валик – тоже. И я следом. Но по другой причине. На улице-то минус сорок... Ещё одна девочка-«отморозок»...

– Григорий Викторович, я готова выполнять все самые серьёзные поручения!..

– ...от радости в зобу дыханье сперло... – я ухмыльнулась.

Шеф, гордый и властный, мялся и краснел, как пацан. Остановись, мгновенье, ты прекрасно!.. Жаль, Валик всё испортил. Он тихо кашлял и сопел, но после моего комментария не выдержал и заржал на весь кабинет.

Редактор отдёрнул руку от бедра Цыпы, глянул на нас, побагровел да как заорёт:

– А ну пошли вон отсюда, бездельники! Премии лишу!

Валик хохотал, согнувшись пополам.

– Ай, всё испортил... – я неодобрительно цокнула языком и, ухватив друга за покрасневшее ухо, потянула за собой.

– Васёк, пусти... – задышался он от смеха, даже не пытаясь вырваться.

– Уволю к чёртовой матери, туеядцы!.. – неслось нам вслед.

– Ах, моська, знать она сильна, коль лает на слона, – глобокомысленно изрекла я, и Валик согнулся в новом приступе смеха.

– Это откуда?..

– Здравсьте! – я неодобрительно посмотрела на него. – Крылов. Басни. На все случаи жизни. На правах рекламы.

Кстати, об увольнении, то бишь – об отпуске. Я же хотела после каникул книжкой заняться... Мы остановились у лифта. Валик никак не мог успокоиться и посмеивался, прислонившись к стене. Только надо ли лезть в эту странную полуночную историю?.. Я прошла в зад-вперед по коридору и

решила, что надо. Лучше сейчас. Может, закончу – и глюки одеваются куда-нибудь. Жить с ними бок о бок всю оставшуюся жизнь я точно не хочу. Решено.

Громко хлопнула дверь. Мелко застучали каблучки.

– Как думаешь, получилось?.. – Валик выразительно поднял брови.

– Вряд ли, – я с любопытством прислушалась к нервному, семенящему цоканью. – Гришу же жена прибьет, она же полковник полиции.

Цыпа появилась надутая, с видом, что круче неё только яйца. Посмотрела на нас, как на пару вредных микробов, и в ярости нажала на кнопку лифта. Мы проводили внештатницу дружными усмешками. Кажется, она здесь больше не появится.

– Уж сколько раз твердили миру, что лезть гнусна, вредна... – заметила я.

Следом явил себя встрёпанный шеф. Посмотрел на нас угрюмо и велел идти работать. А сам застегнул дублёнку, нахлобучил шапку и срулил.

– ...да только всё не впрок. И в сердце льстец всегда отыщет уголок, – я резюмировала, вздохнув.

Мы вернулись в кабинет.

– Ладно, я обедать. Тебе как всегда? – уточнил Валик, доставая из шкафа куртку и сигареты. – Что угодно, лишь бы съедобное?

– Угу, – я кивнула, садясь за стол.

Он ушёл, и в коридоре опять грохнули, открываясь и закрываясь, двери лифта. Я полезла в сумку за флешкой. Всё, хватит сходить с ума от безделья. Займусь полезным делом – и, глядишь, не зря рехнусь...

– Кстати...

Я отвлеклась от сумки и растерянно моргнула:

– Ты же на обед уходил!

– Когда? – друг сидел напротив меня... как обычно. Выглядывая из-за монитора. Но смотрел... странно: – Смысл идти на обед, если через час домой сваливать? Вась, да что с тобой?

Я невольно сглотнула. Начина... нет, продолжается... Похоже, глюки мутируют... и переходят на личности. Но ведь ушёл же!.. Я быстро покосилась на шкаф и вздрогнула. Створка открыта, куртки нет, а Валик... на месте. Что за нафиг?..

Нахмурившись, я с трудом сформулировала осторожный вопрос, но задать его не успела. Народ прорвало. Сначала прилетела, щебеча что-то в трубку сотового, Анята, следом, стуча зубами, – Игорёк, а за ним – Санька.

Он же, посмотрев на меня хитро, объявил:

– Вась, пляши, идет твой поклонник!

– Кто? – не поняла я.

– Витёк, – весело пояснил Игорь. – Мы едва вперёд него в лифт успели, чтобы тебя предупредить.

– Меня нет!.. – я спряталась под стол, разом забыв про

свои глюки.

«Витьком» с легкой руки шефа величали Виктора Владимировича, одного из внештатников. Сей субъект, седина в бороду – бес в ребро, так проникся моей славянской внешностью и пушистой косой ниже талии, что однажды прилюдно предложил, цитирую, «дружить по четвергам, пока благоверная в ночь дежурит». За что, несмотря на почтенный возраст, был с позором послан в пешее эротическое путешествие и оскандален на всю редакцию. И когда он по пятницам являлся за гонораром, мне приходилось либо держать оборону, либо... Да, мудро прятаться, если настроение не то.

Хлопнули двери лифта. Игорь с Санькой захихикали. Я затаила дыхание.

– Приветствую, коллеги! – по кабинету поплыли тягучий бас и убойная доза острого парфюма. Я зажала нос, чтобы не чихнуть. Не выношу такие запахи... – А где Василиса?

– Отошла, – сурово отозвался Валик.

– В мир иной?.. – не то расстроился, не то обрадовался «поклонник».

Размечтался!.. Я буду жить и долго, и счастливо, и без ваших молитв!

– По делам.

– Жаль, – огорчился дядька. – А скоро будет?

– Не знаю, – друг пожал плечами и сдал меня с потрохами: – У неё с утра отвратительное настроение, авитаминоз и зимняя депрессия, – и глубокомысленно добавил: – С де-

вушками к тридцати, знаете ли, такое бывает.

Меня перекосило. Я те это припомню...

– Депрессия? – хохотнул «Витёк». – Надо же, слово модное нашли и прикрываетесь им... Чушь! Мужика ей надо, да выпендривается слишком!

Я чуть не застонала в голос. Опять!.. Да что ж им всем неймётся-то!.. Мешает им моя личная жизнь, что ли?..

– Вообще-то Вася занята, – заметил Валик.

– Да-а-а? – протяжно хмыкнул поклонник.

– А кем? – высунулась из «клоаки» Аня.

Я удивлённо насторожилась. Без меня меня женили, что ли?

– Или чем? – уточнил вредный «Витёк». – Работой и только работой?

– Нет, мной, – сообщил друг солидно.

Я умилилась. Да моё ты солнце!

– Э-э-э, нет, ты не в счет, – разочарованно буркнула Аня. – Ты же у неё пожизненный и...

– Виктор Владимирович, а вам в бухгалтерию не надо? – вкрадчиво вставил Валик. – У Софьи Николаевны сегодня укороченный рабочий день, и она в любой момент может уйти домой.

– Точно, – очнулся поклонник. – Ну, молодёжь, с наступающим!

Коллеги загомонили в ответ, а Валик встал, чтобы лично проводить «Витька» к бухгалтеру и после – выпроводить.

Я вылезла из-под стола красная, как рак и злая, как собака. Ненавижу... Народ захихикал. И Муз появился. Сел на монитор и свесил ножки. И, в кои-то веки, вовремя. Куда ещё девать эмоции? Либо тихо работать, либо сейчас всем громко прилетит...

Я села за комп, надела наушники и врубила «Рамштайн». Позитивная группа, да. Когда хочется кого-нибудь убить – самое то. Кстати, а не убить ли мне героя?.. Появление друга я проигнорировала, а он не стал ко мне цепляться. Кажется, инстинкт самосохранения у Валика есть, хотя мне всегда казалось, что нет его, не было и не надо. Я прочитала последний абзац, засучила рукава и с энтузиазмом взялась за дело. Герой, конечно, ни в чём не виноват... Но ведь он – только выдумка, причём моя. Что хочу – то и делаю.

Герой однако умирать отказался. Я его недооценила. Живучий, гад. И каждый раз у него то козырь в рукаве находился, то кролик в шляпе. Я настрочила за час десять листов очередного испытания, которое герой слишком быстро и легко прошёл, перечитала и недовольно засопела. М-да, факир был пьян, и фокус не удался... Точно, пора в отпуск.

Оставив героя на стадии прохождения второй инициации, я сохранила файл на флешку, сняла наушники и огляделась. Игорь с Саней уже уехали, Аня одевалась, ухитряясь болтать по телефону, а Валик, развалившись в кресле, вяло щёлкал мышкой и очевидно хотел домой. Я посмотрела на часы. Почти пять. Можно сворачиваться. Пришли – потусили

– поржали – и по домам. Муз согласно икнул и исчез. И туда ему и дорога.

– Вальк, а шеф у себя? – спросила тихо.

– Угу, – отозвался он рассеянно.

Так. Животрепещущий вопрос: я болею или иду в отпуск? Заплатят одинаково мало... но с больничными мороки много. Значит, в отпуск. С понедельника или после двенадцатого января?.. Я посмотрела на календарь. Лучше после праздников. Работать осталось – всего ничего, да и номер не сдаём – так, заготовки на следующий год ваяем. Да, лучше после.

Сказано – сделано. Достав чистый лист бумаги, я шустро нацарапала заявление и отправилась на поклон к шефу.

– Занят? – я заглянула в кабинет.

– Не особо, – устало отозвался он и кивнул на свободный стул: – Проходи, садись.

Шеф всегда выглядел так, словно он один несёт на своих широких плечах все невзгоды мироздания, но меня его усталый вид в заблуждение никогда не вводил. Проскользнув в кабинет, я торжественно положила перед ним заявление.

– Что это за кракозябры? – Гриша с подозрением взглянул на меня из-за толстых стекол очков. – Увольняешься, что ли?

– А если и так? – я подняла брови.

Взор шефа стал очень печальным, и немудрено. До меня с ним никто не мог сработаться – из-за дурной привычки в разгар сдачи номера от волнения крыть матом всех подряд. Но в случае со мной он не на ту напал: я тоже любила родной

русский язык во всех его проявлениях и отвечать не стеснялась. На том и сработались. Иначе Грише влетело бы от директора по первое число за неспособность блюсти дух коллективизма.

Собственно, поэтому я прекрасно понимала грусть редактора. И его искренней печалью прониклась до глубины души.

– Ладно, не уволюсь, если зарплату поднимешь.

– На сколько? – уныло спросил он.

– Ну, на пару тысяч, – не стала жадничать.

– Поговорю с директором, – кивнул шеф.

Я снова подняла брови. Гриша поморщился:

– Хорошо, с января повысим.

– Тогда прочитай заявление, что ли.

– Шантажистка... – редактор склонился над столом.

– Да ладно, мне до Цыпы далеко, – усмехнулась я.

Шеф покраснел и уставился на заявление.

– В отпуск? – переспросил удивлённо. – После каникул? Вась, ты чем думаешь? Где я тебе замену найду на каникулах?

– До тридцать первого – еще неделя, – я пожала плечами.

– Нахалка... – редактор подписал заявление. – Все, топай.

– Спасибо, Гриш, – благодарно улыбнулась я.

– Кыш отсюда.

– Домой?

Он красноречиво пожал плечами: мол, как хочешь.

Отдав заявление секретарю, я вернулась на рабочее ме-

сто, довольно потянулась и посмотрела на календарь. Итак, у меня есть целый месяц на книгу, и никаких бройлеров и мэров! Ура!

– Жизнь удалась? – Валик выглянул из-за монитора.

– А то! – я улыбнулась, собирая сумку.

Так, сотовый, флешка, листочки с зарисовками... Никак не приучу себя хотя бы к блокноту. Вечно всё записываю на отрывных листочках, а потом теряю уйму времени, рассортировывая и приводя в порядок информацию... Сапоги, шуба... куртка Валика на месте. И что это было? И было ли?..

– Вася!

– А? – я вздрогнула.

– Не смей удирать, – сказал друг ровно и веско, – поняла?

Жди меня.

Я покорно села в кресло. Чёрт. Надо как-то с мыслями справиться... И то ли придумать, что наврать, то ли решить, о чем умолчать... Валик доделал макет, отпросился и скомандовал подъём и на выход. Я надела шубу и шапку и поплелась в коридор.

– Вась, не трясись, – заметил он, вызывая лифт.

И верно, колотит, как перед кабинетом зубного врача... И внутри все скручивает, а внутренний голос вопит: молчать, никому ничего не говорить, нельзя!.. Внутренний голос – штука полезная. Особенно когда он советы даёт, а не хихикает в уголке, со стороны наблюдая за моими чудачествами. И добывая после сакраментальным: вот, как я и думал!..

Мой обычно вёл себя именно так. Но уж если предупреждал, то всегда оказывался прав.

– Вась, сознавайся, что открутила от Игорева кресла болты.

– А ты сознайся, что постоянно их подтягивал, – проворчала в ответ.

Посмотрела в весёлые глаза и расслабилась. Что я, в самом деле... И более личные вопросы с ним обсуждаю, но... Оказывается, тема душевного здоровья сакральнее прокладок, гинекологов, секса и ПМС. Это как себе признаться в собственном сумасшествии. А это стрёмно... и страшно.

– Ну? – поторопил Валик, когда мы сели в машину, и закурил. – Я готов.

А я – нет... Я поёрзала.

– В семье несчастье?

– А? Нет... слава богу, – и мама с утра сообщение прислала, тьфу-тьфу...

– Вась, я же вижу, что что-то случилось. Я тебя не первый год знаю.

– И не жди от меня сочувствия, – буркнула раздражённо.

Вздыхнула и сбивчиво рассказала. Про птеродактиля в ванной и полуночные «обмороки», про книгу, которая пишется сам по себе, и... Про знак на щеке и саламандра решила промолчать. Хватит с него... пока.

– Красный? – повторил Валик задумчиво и закурил вторую сигарету. – Птеродактиль?

– Угу, – вроде, выговорились, а легче не стало. Тревога засвербела с новой силой. Зря сказала, ой, зря...

– Вась, а ты в курсе, каких они размеров были?

– Значит, у меня детёныш поселился... или карликовая особь. Вальк, ну на кого он похож – так я его и обозвала, не цепляйся к мелочам!

– А книги сколько написала?

Я прикинула:

– Страниц сто где-то.

– С понедельника? – уточнил друг. – За пять дней и со сдачей номера?

– Ну... да, – бредово, но факт.

– Однако твоя муза жжёт, – хмыкнул он.

– Не муза, а Муз, – призналась я. – Понятия не имею, что это за существо, но... Когда оно появляется рядом, я ни о чём другом думать не могу – только о писанине. Я его с детства вижу.

– Видишь и молчишь? – странная фраза и странный взгляд. Очень странный взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.